

НОВЫЙ
мировой порядок

ВЛАДИСЛАВ
ЗУБОК

КОЛЛАПС
ГИБЕЛЬ

СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

18+

Новый мировой порядок

Владислав Зубок

**Коллапс. Гибель
Советского Союза**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 94(47+57)"1983/91"
ББК 63.3(2)63

Зубок В. М.

Коллапс. Гибель Советского Союза / В. М. Зубок —
«Издательство АСТ», 2023 — (Новый мировой порядок)

ISBN 978-5-17-151226-2

Владислав Зубок — профессор Лондонской школы экономики и политических наук — в своей книге «Коллапс. Гибель Советского Союза» рассматривает причины и последствия распада СССР, оценивает влияние этого события на ход мировой истории и опровергает устоявшиеся мифы, главным из которых является миф о неизбежности распада Союза. «Коллапс» — это подробнейший разбор событий 1983-1991 гг., ставший итогом многолетних исследований автора, общения с непосредственными участниками событий и исследователями данного феномена, работы с документами в архивах США и России. В нем изображены политические и экономические проблемы государства, интеллектуальная беспомощность и нежелание элиты действовать. Все это наглядно аргументирует мысль автора, что распад Союза был прямым результатом контрпродуктивных реформ, которые ускорили приход республик к независимости. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(47+57)"1983/91"
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-17-151226-2

© Зубок В. М., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Русскому читателю	6
Список действующих лиц	7
Благодарности автора	11
Вступление	14
Часть I	23
Глава 1	23
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владислав Зубок
Коллапс
Гибель Советского Союза

Vladislav M. Zubok

COLLAPSE: THE FALL OF THE SOVIET UNION

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

На обложке – М. Г. Лысенко, Н. М. Суходолов.

Памятник В. И. Ленину. 1964 г.

Фотография Yurchyks / Shutterstock / Fotodom

Перевод с английского языка – Татьяна Алешичева, Александр Кан, Юлия Трепалина

© Зубок В. М., текст, 2022

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Русскому читателю

Завершая рукопись этой книги весной 2021 года, я рассуждал, что «история учит нас не доверять кажущейся незыблемости всего существующего и помогает подготовиться к внезапным потрясениям в будущем». Потрясения не заставили себя ждать, да еще какие! Но что-то не видно, чтобы многострадальная муза Клио нам сильно помогла.

«Коллапс» был написан для англоязычного читателя. Нет сомнений, что книга на русском языке будет воспринята иначе, чем английский оригинал. Пространство бывшего Советского Союза населяют миллионы людей, которые еще помнят взрыв общественно-политической жизни 1989–1991 годов. В отличие от людей Запада, в глазах которых Михаила Горбачев был всегда окружен ореолом почета и уважения, на постсоветском пространстве последний советский лидер воспринимается весьма неоднозначно. В Прибалтике, на Кавказе и в Таджикистане мало кому нужно доказывать, что распад советской «империи» был далеко не мирным. У многих остались травмы от рожденных, но не сбывшихся в те годы надежд. Разумеется, будут и разные оценки российско-украинского «развода» в последние месяцы 1991 года. Трагедия, которая разворачивается в наше время, приняла масштаб, который мало кто мог ожидать.

Не знаю, как будет реагировать на книгу «племя младое», читатели, которым не пришлось жить во внезапно исчезнувшем государстве. Но и они вряд ли будут воспринимать историю крушения СССР так же бесстрастно, как иностранцы. Для одних это революционная смена вех, для других – момент обретения независимости и новой государственности, для кого-то – приход невиданной прежде свободы. Для самых же молодых, кто родился в 1991 году и позже, эта книга может стать окном в странное и незнакомое прошлое, из которого, однако, выросло их настоящее.

Книга написана человеком, который всю жизнь занимался историей. И в этом смысле она претендует на «научное» качество фактуры и анализа – насколько вообще может быть научным историческое сочинение. Автор старался проверить каждый факт документально, хотя не всегда это удавалось. В то же время это – книга, то есть творческий акт. Я сам решал, что выделить, а что опустить в бесконечно сложном калейдоскопе событий. Когда говорят «все неоднозначно», то подразумевают наличие бесконечного количества оценок. На деле многое в прошлом определено и однозначно. Крутые перемены всегда осуществляются конкретными людьми, как правило, лидерами страны, а не какими-то таинственными обстоятельствами и неведомыми тайными структурами. И эти люди нередко совершают ошибки, которые потом трудно объяснить, загоняют сами себя в тупик, нередко спешат, а иногда, напротив, уклоняются от решительных действий и не берут на себя ответственность. В книге я с особенным вниманием относился к мотивам и действиям лидеров, на которых в те годы смотрели и надеялись миллионы. В то же время еще Гегель и Маркс объяснили, что люди не делают историю, как им хочется. Чаше история сама срывается с петель и летит кувырком, а те, кто считает себя вершителями судеб, в эти моменты в лучшем случае пытаются удержаться в седле.

Автор благодарен издательству АСТ, Татьяне Чурсиной, Алене Колесниковой, Катерине Марсовой, переводчикам Юлии Трепалиной, Александру Кану и Татьяне Алешичевой, и другим, кто редактировал и правил рукопись и сделал ее доступной русскоязычному читателю. Книга посвящена «всем реформаторам», то есть не только людям прошлого, но и тем, кто живет с нами сегодня, дерзает действовать и верит в перемены к лучшему. История в конце концов может нам улыбнуться – но при условии, если мы сами потрудимся проанализировать ошибки и иллюзии нашего прошлого.

Владислав Зубок

Список действующих лиц

АБАЛКИН, Леонид Иванович (1930–2011): заместитель председателя советского правительства, август 1989 – декабрь 1990 гг.

АГАНБЕГЯН, Абель Гезевич (1932–): советский экономист; архитектор экономических реформ в 1987–1988 гг. и сентябре-октябре 1990 г.

АДАМИШИН, Анатолий Леонидович (1934–): посол СССР в Италии, 1990–1991 гг.

АФАНАСЬЕВ, Юрий Николаевич (1934–2015): депутат Верховного Совета СССР; лидер движения «Демократическая Россия».

АХРОМЕЕВ, Сергей Федорович (1923–1991): маршал Советского Союза; советник Горбачева по военным делам, декабрь 1988 – август 1991 гг.; сторонник Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), август 1991 г.

БАКАТИН, Вадим Викторович (1937–2022): министр внутренних дел Советского Союза, октябрь 1988 – декабрь 1990 гг.; баллотировался на пост президента России в 1991 году; последний глава КГБ, август – декабрь 1991 г.

БАКЛАНОВ, Олег Дмитриевич (1932–2021): секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам, 1988 – август 1991 гг.; член ГКЧП, август 1991 г.

БЕРНШТАМ, Михаил Семенович (1940–): американский экономист; советник правительства РСФСР, март – декабрь 1991 г.

БЕССМЕРТНЫХ, Александр Александрович (1933–): министр иностранных дел Советского Союза, январь – август 1991 г.

БОЛДИН, Валерий Иванович (1935–2006): личный помощник Горбачева, 1981–1987 гг.; руководитель аппарата Горбачева, 1987–1991 гг.; сторонник ГКЧП, август 1991 г.

БОННЭР, Елена Георгиевна (1923–2011): жена Андрея Сахарова, диссидент; ведущий голос оппозиции и «Демократической России».

БОЧАРОВ, Михаил Александрович (1941–2020): председатель Высшего экономического совета при правительстве РСФСР, июнь 1990 – сентябрь 1991 г.

БРЕЙТВЕЙТ, Родрик (1932–): посол Великобритании в Москве, 1988–1992 гг.

БУРБУЛИС, Геннадий Эдуардович (1945–2022): советник Ельцина; организатор президентской кампании Ельцина, апрель – июнь 1991 г; Государственный секретарь РСФСР, июнь – декабрь 1991 г.

ВАРЕННИКОВ, Валентин Иванович (1923–2009): командующий советскими сухопутными войсками и заместитель министра обороны, 1989 – август 1991 гг.; активный сторонник ГКЧП, август 1991 г.

ВОРОТНИКОВ, Виталий Иванович (1926–2012): член Политбюро, декабрь 1983 – июль 1990 гг.; глава Верховного Совета РСФСР, октябрь 1988 – май 1990 гг.

ВОЩАНОВ, Павел Игоревич (1948–): журналист; пресс-секретарь президента Ельцина, июль 1991 – февраль 1992 гг.

ГАЙДАР, Егор Тимурович (1956–2009): экономист; автор программы рыночных реформ для РСФСР; заместитель председателя правительства России, 15 ноября 1991 – декабрь 1992 гг.

ГЕРАЩЕНКО, Виктор Владимирович (1937–): председатель Государственного банка СССР, июль 1989 – декабрь 1991 гг.

ЗАСЛАВСКИЙ, Илья Иосифович (1960–): член парламентской оппозиции и координатор «Демократической России».

ИВАНЕНКО, Виктор Валентинович (1947–2022): генерал-майор КГБ; глава КГБ РСФСР, 5 августа – 26 ноября 1991 г.; поддержал Ельцина во время правления ГКЧП в августе 1991 г.

КАРИМОВ, Ислам Абдуганиевич (1938–2016): первый секретарь ЦК КП Узбекской ССР, 1989–1991 гг.; в ноябре 1990 г. «избран» Верховным Советом республики на пост президента Узбекистана.

КЕБИЧ, Вячеслав Францевич (1936–2020): премьер-министр Белоруссии, а затем суверенной Беларуси, 1990–1994 гг.

КОЗЫРЕВ, Андрей Владимирович (1951–): министр иностранных дел РСФСР, октябрь 1990 – декабрь 1991 гг.

КОРЖАКОВ, Александр Васильевич (1950–): личный телохранитель, а затем начальник Службы безопасности президента Ельцина, 1989–1996 гг.

КРАВЧУК, Леонид Макарович (1934–2022): председатель Верховного совета Украинской ССР, июль 1990 – декабрь 1991 гг.; первый президент независимой Украины, декабрь 1991 – 19 июля 1994 гг.

КРУЧИНА, Николай Ефимович (1928–1991): управляющий делами ЦК КПСС, 1983–1991 гг.

КРЮЧКОВ, Владимир Александрович (1924–2007): председатель КГБ, октябрь 1988 – август 1991 гг.; один из лидеров ГКЧП в августе 1991 г.

ЛАНДСБЕРГИС, Витаутас (1932–): глава «Саюдиса» (первоначально «Литовского движения за перестройку») и парламента Литвы, 1989 – август 1991 гг.

ЛИГАЧЕВ, Егор Кузьмич (1920–2021): секретарь ЦК КПСС, декабрь 1983 – июль 1990 гг.; член Политбюро, апрель 1985 – июль 1990 гг.

ЛУКИН, Владимир Петрович (1937–): депутат Верховного Совета РСФСР; глава Комитета по международным делам, июнь 1990 – декабрь 1991 гг.

ЛУКЬЯНОВ, Анатолий Иванович (1930–2019): член Политбюро, сентябрь 1988 – июль 1990 гг., спикер Верховного Совета СССР, март 1990 – август 1991 гг.; сотрудничал с ГКЧП в августе 1991 года.

МАСЛЮКОВ, Юрий Дмитриевич (1937–2010): ведущий специалист по экономическому планированию в советском правительстве, 1982 – ноябрь 1991 гг.; председатель Госплана, 1988 – ноябрь 1991 гг.

МЕДВЕДЕВ, Вадим Андреевич (1929–): член Политбюро, сентябрь 1988 – июль 1990 гг.

МОИСЕЕВ, Михаил Алексеевич (1939–2022): начальник Генерального штаба СССР, декабрь 1988 – август 1991 гг.; короткое время министр обороны, август 1991 г.

МУРАШЕВ, Аркадий Николаевич (1957–): депутат Верховного Совета СССР; координатор «Демократической России», январь 1990 – сентябрь 1991 гг.

МЭТЛОК, Джек (1929–): посол США в Советском Союзе, 1987 – август 1991 гг.

НАЗАРБАЕВ, Нурсултан Абишевич (1940–): Председатель Верховного Совета Казахской ССР, февраль – апрель 1990 г.; в апреле 1990 года – Верховным Советом республики избран Президентом Казахстана.

ПАВЛОВ, Валентин Сергеевич (1937–2003): министр финансов СССР, июль 1989 – январь 1991 гг.; глава Кабинета министров СССР, январь – август 1991 г.; член ГКЧП, август 1991 г.

ПАЛАЖЧЕНКО, Павел Русланович (1949–): переводчик министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, июль 1985 – декабрь 1990 гг.; переводчик Михаила Горбачева, декабрь 1985 – декабрь 1991 гг.

ПАНКИН, Борис Дмитриевич (1931–): министр иностранных дел Советского Союза, август – ноябрь 1991 г.

ПЕТРАКОВ, Николай Яковлевич (1937–2014): экономический советник Горбачева, декабрь 1989 – декабрь 1990 гг.; автор программы радикальных рыночных преобразований.

ПОЛОЗКОВ, Иван Кузьмич (1935–): глава Коммунистической партии РСФСР, июнь 1990 – август 1991 гг.

ПОПОВ, Гавриил Харитонович (1936–): экономист; организатор «Демократической России»; глава городского совета, а затем мэр Москвы, июнь 1990 – декабрь 1991 гг.

ПРИМАКОВ, Евгений Максимович (1929–2015): советник Горбачева, март 1990 – август 1991 гг.; начальник Первого управления КГБ (внешняя разведка), сентябрь – декабрь 1991 г.

ПУГО, Борис Карлович (1937–1991): министр внутренних дел СССР, декабрь 1990 – август 1991 гг.; член ГКЧП; покончил жизнь самоубийством после провала августовского путча.

РУЦКОЙ, Александр Владимирович (1947–): генерал-майор авиации, 1991 г.; вице-президент РСФСР, июнь 1991 – октябрь 1993 гг.

РЫЖКОВ, Николай Иванович (1929–): председатель Совета Министров СССР, сентябрь 1985 – декабрь 1990 гг.; главный мотор экономических реформ Горбачева.

САБУРОВ, Евгений Федорович (1946–2009): министр экономики РСФСР, 15 августа – 15 ноября 1991 г.

САВИСААР, Эдгар Эльмарович (1950–2022): один из основателей Народного фронта Эстонии, июль 1988 г.; премьер-министр Эстонии, август 1991 – январь 1992 гг.

САХАРОВ, Андрей Дмитриевич (1921–1989): физик, разработчик ядерного оружия, диссидент; лауреат Нобелевской премии мира 1975 г.; член Верховного Совета СССР и лидер оппозиции, май – декабрь 1989 г.

СОБЧАК, Анатолий Александрович (1937–2000): мэр Санкт-Петербурга, июль – декабрь 1991 г.

СТАНКЕВИЧ, Сергей Борисович (1954–): член демократической оппозиции, 1989–1991 гг.; заместитель главы правительства Москвы и советник Ельцина, 1990–1991 гг.

СТАРОВОЙТОВА, Галина Васильевна (1946–1998): российский этнограф; депутат Верховного Совета СССР, май 1989 – сентябрь 1991 гг.; депутат Верховного Совета РСФСР, июнь 1990–1993 гг.; советник Ельцина, 1990–1991 гг.

СТЕПАНОВ-МАМАЛАДЗЕ, Теймураз Георгиевич (1934–1999): помощник и спичрайтер министра иностранных дел Шеварднадзе, июль 1985 – декабрь 1990 гг.

ФОКИН, Витольд Павлович (1932–): премьер-министр Украинской Республики, ноябрь 1990 – декабрь 1991 гг.

ХАСБУЛАТОВ, Руслан Имранович (1942–2023): заместитель Ельцина в Верховном Совете РСФСР, июнь 1990 – июнь 1991 гг.; глава Верховного Совета РСФСР, июнь 1991 – октябрь 1993 гг.

ЧЕРНЯЕВ, Анатолий Сергеевич (1921–2017): помощник Горбачева по вопросам внешней политики, январь 1986 – декабрь 1991 гг.

ШАПОШНИКОВ, Евгений Иванович (1942–2020): командующий ВВС СССР; министр обороны СССР, август – декабрь 1991 г.

ШАТАЛИН, Станислав Сергеевич (1934–1997): экономист; член Президентского совета Горбачева, май 1990 – январь 1991 гг.

ШАХНАЗАРОВ, Георгий Хосроевич (1924–2001): философ и социолог; помощник Горбачева, 1988 – декабрь 1991 гг.

ШАХРАЙ, Сергей Михайлович (1956–): юридический советник Ельцина; подготовил проект документов о роспуске СССР 7–8 декабря 1991 г.

ШЕБАРШИН, Леонид Владимирович (1935–2012): начальник Первого управления КГБ (внешняя разведка), октябрь 1988 – август 1991 гг.; глава КГБ после провала путча в августе 1991 г.

ШЕВАРДНАДЗЕ, Эдуард Амвросиевич (1928–2014): министр иностранных дел Советского Союза, июль 1985 – декабрь 1990 гг. и ноябрь – декабрь 1991 г.

ШУШКЕВИЧ, Станислав Станиславович (1934–2022): председатель Верховного Совета Белоруссии, август – декабрь 1991 г.; подписал документы о роспуске Советского Союза 8 декабря 1991 г.

ЯВЛИНСКИЙ, Григорий Алексеевич (1952–): советский экономист; автор программы «400 дней доверия» (затем «500 дней»), июнь – сентябрь 1990 г.; соавтор «Большой сделки», май – август 1991 г.

ЯКОВЛЕВ, Александр Николаевич (1923–2005): член Политбюро, 1985 – июль 1990 гг.; близкий соратник Горбачева, июль – декабрь 1990 г. и сентябрь – декабрь 1991 г.

ЯКОВЛЕВ, Егор Владимирович (1930–2005): редактор газеты «Московские новости», 1986–1991 гг.; руководитель советского телевидения, август – декабрь 1991 г.

Благодарности автора

Эта книга – детище автора, но ему очень помогли советы, поддержка и просто участие многих других людей – коллег, библиотекарей, архивистов, ряда фондов, университетов и других организаций. Покойный Виктор Заславский, замечательный исследователь советского общества и политики, еще в 2008 году убеждал меня написать эту книгу, настаивая при этом, что СССР был обречен. Я последовал его совету, но пришел к иному выводу. Первые мысли о книге родились, когда я преподавал в Университете Темпл (University of Temple) в Филадельфии, но она была написана уже когда я стал профессором международной истории в Лондонской школе экономики и политических наук (The London School of Economics and Political Science, LSE). Меня окружали историки, работы и пример которых меня вдохновляли. Среди них Ричард Иммерман, Уильям Хичкок, Бет Бейли, Ричард Фарбер, Ральф Янг, Петра Гедде, Рита Крюгер, Говард Сподек, Грегори Урвин, Джей Локенауэр, Мэтью Джонс, Пирс Ладлоу, Дэвид Стивенсон, Кристина Шпор, Найджел Эштон, Светозар Райяк, Рохам Альванди и другие. В 2012–2013 годах у меня было время заняться архивными изысканиями в Вашингтоне, благодаря стипендии в Институте российских исследований имени Кеннана, в Центре Вудро Вильсона, а затем в Гуверовском институте Стэнфордского университета благодаря стипендии У. Гленна Кэмпбелла и Риты Рикардо-Кэмпбелл. В 2018 году я вернулся в Гуверовский институт, получив там исследовательскую стипендию еще на месяц. Хочу поблагодарить коллег в Центре Вильсона и Институте Кеннана, особенно Кристиана Остерманна, Сэмюэла Уэллса, Роберта Литвака, Блэра Рубла, Мэтью Рожанского и Уильяма Померанца. В Гуверовском институте и Стэнфордском университете я благодарен за помощь, советы и исторические материалы Норману Наймарку, Эрику Уэйкину, Дэвиду Холлоуэю, Гейл Лапидус, Майклу Макфолу и Анатолию Шмелеву. В 2018 году я получил грант по программе Фонда Паулсена, благодарен Доминику Ливену и Джанет Хартли за то, что они удовлетворили мою заявку.

Книга основана на новых источниках из архивов США и России. В США основная масса документов пришла из Архива Института Гувера (НΙΑ), Президентской библиотеки Джорджа Буша-старшего в Техасе (GBPL), Архива национальной безопасности Университета Джорджа Вашингтона в Вашингтоне (NSA) и Библиотеки Сили Г. Мадд (SML) в Принстонском университете. В России основной массив материалов находится в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Я благодарен сотрудникам всех этих архивов, а также моему аспиранту (на тот момент) Айзеку Скарборо, а также Риккардо Куччола и Ирине Подколзиной за помощь. Также благодарен Нелли Рыльковой из Российской публичной исторической библиотеки в Москве за помощь в проверке страниц и фактических данных.

Я также в долгу перед теми, кто создавал электронные архивы. Среди них Архив Президентского Центра Б. Н. Ельцина на сайте <https://yeltsin.ru/archive/> и другой проект Ельцин Центра, «История новой России», на сайте <http://ru-90.ru>; архив Егора Гайдара на сайте <http://gaidar-arc.ru>; архив интервью о независимости Украины, «Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України – 1988–1991» по адресу <http://oralhistory.org.ua/category/interview-ua>. Доступ к этим архивам по интернету был неоценим, особенно когда я писал книгу в месяцы карантинов и ограничений, связанных с пандемией.

Коллеги и друзья щедро делились со мной своими знаниями и помогали с первоисточниками. Среди них хочу особо поблагодарить Светлану Савранскую, Томаса Блантона, Кристиана Остерманна, Хоуп Харрисон, Уильяма Таубмана, Марка Крамера, Арне Вестада, Арчи Брауна, Тимоти Колтона, Диану Вильерс Негропonte, Питера Руггенталера, Георгия Дерлугьяна, Сергея Плохия, Владимира Печатнова, Рудольфа Пихою и Олега Скворцова. Анна Кан любезно помогла мне посмотреть копии интервью Би-би-си за 1991 год, когда они еще были

малодоступны. Наталья Кибита любезно поделилась со мной документами, которые нашла в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины в Киеве. Александр Бабкин из Фонда Ельцина консультировал меня по визуальным материалам. Родрик Брейтвейт, последний посол Великобритании в Советском Союзе, позволил мне пользоваться копией своих неопубликованных дневников. Также я благодарен Уне Бергмане, чья докторская диссертация дала мне лучшее представление о том, что происходило в годы перестройки в Прибалтике.

Благодаря участию в уникальных конференциях «критической устной истории», организованных психологами Джанет Ланг и Джимом Блайтом, мне удалось познакомиться в 1990-е годы с многими участниками исторических событий, описанных в книге. Среди них были помощники Михаила Горбачева, по международным делам – Анатолий Черняев, а по внутренним – Георгий Шахназаров, Вадим Загладин, помощник Эдуарда Шеварднадзе Сергей Тарасенко. В 1995 году Черняев «представил» меня Горбачеву; несколько лет спустя он же поделился со мной своими удивительными дневниковыми записями, в то время еще не опубликованными. В 1999 году, благодаря содействию Джеймса Хершберга и Тедо Джапаридзе, я приехал в Грузию, где взял интервью у Шеварднадзе. Среди других участников событий, которых я встретил на конференциях и семинарах, а также интервьюировал, хочу отметить Александра Яковлева, Егора Лигачева, генерала Валентина Варенникова, бывшего министра обороны Дмитрия Язова и бывшего руководителя военно-промышленного комплекса Олега Бакланова. Среди других лиц, которые фигурируют в книге, мне довелось встретиться с Леонидом Шебаршиным, руководителем советской разведки и недолгое время главой КГБ, Борисом Панкиным, последним министром иностранных дел СССР, переводчиком Горбачева Павлом Палажченко, экономистом и политиком Григорием Явлинским, союзником Ельцина, а затем его критиком Владимиром Лукиным, дипломатом Анатолием Адамишиным и пресс-секретарем Горбачева Андреем Грачевым. Геннадий Бурбулис, главный стратег Ельцина, дал мне четыре пространных интервью в 2020 году. Кроме этого, я получил важные свидетельства в разговорах и беседах с Андреем Кокошиным, Виктором Шейнисом, Станиславом Шушкевичем, Александром Дроздовым, Игорем Малащенко, Андреем Зубовым, Алексеем Панкиным и Андреем Кортуновым.

Мне также повезло встретиться и побеседовать с широким кругом политиков, дипломатов и других участников событий со стороны Запада. Я благодарен бывшему госсекретарю Джеймсу Бейкеру за интервью и разрешение использовать его документы, когда доступ к ним был еще ограничен. Мне также посчастливилось взять интервью у Роберта Зеллика, Кондолизы Райс, Строуба Тэлботта, Уильяма Одома, Филипа Зеликова, Фрэнсиса Фукуямы, Майкла Боскина, Родрика Брейтвейта и Джека Мэтлока. Под влиянием встреч с Михаилом Семеновичем Бернштамом, почетным профессором Гуверовского института, я составил совершенно новое представление о том, почему экономические реформы Горбачева привели к кризису. Бернштам дал в мое распоряжение личную коллекцию документов, посвященных его консультативной деятельности при Верховном Совете РСФСР в 1990-е годы. Еще ценнее было то, что он лично давал объяснение происхождения этих документов и связанных с ними обстоятельств и событий.

Вся книга была написана по-английски. Различные рабочие версии ее читали, целиком или частично, мой бывший аспирант Айзек Скарборо, Михаил Бернштам, Уильям Таубман, Георгий Касьянов, Светлана Савранская, Бенджамин Натанс, Элизабет Чарльз, Марк Крамер и Родрик Брейтвейт. Мои лекции в Стэнфордском университете, Институте славянских, восточноевропейских и евразийских исследований Университета Беркли, Центре российских и евразийских исследований им. Дэвиса в Гарварде, в «кружке» славистов-русистов Пенсильванского университета и в Нью-Йоркском университете Абу-Даби дали мне возможность поделиться предварительными выводами моего исследования с широким кругом историков, социо-

логов и политологов. Мартин Шервин, Марк Крамер, Юрий Слёзкин, Георгий Дерлугьян и Виктория Журавлева организовали семинары для обсуждения моего проекта и задавали важные вопросы, на которые у меня не всегда был убедительный ответ. В разгар пандемии Сергей Радченко устроил онлайн-семинар для исследователей истории холодной войны, где я представил на обсуждение одну из глав книги. В Лондонской школе я выступил на исследовательском форуме, организованном Дэвидом Стивенсоном и Стивеном Кейси. Немаловажно и то, что каждый год в Лондоне я должен был читать курс по советской истории, и каждый год мои студенты просили меня прояснить загадку внезапного краха СССР.

Джоанна (Джо) Годфри из издательства Йельского университета предложила мне контракт, а позже подсказала, что огромную рукопись неплохо бы сократить на одну треть. Два анонимных рецензента дали хорошие советы, как довести рукопись до ума и сделать ее более доступной для читателей. В Йельском издательстве хотел бы отметить внимательную редактуру Ричарда Мейсона.

Написание книги – занятие, предполагающее многие недели и месяцы одиночества. В этот период автор особенно нуждался в поддержке близких. Моя мама Людмила, жена Елена и сын Михаил поддерживали меня своей заботой и любовью. Они столько раз спрашивали, когда же я, наконец, допишу эту книгу, что в конце концов я это сделал.

Вступление Головоломка

«Наконец избавились от этого болтуна». Это были слова моих попутчиков по рейсу «Аэрофлота» Москва – Нью-Йорк. Самолет только что взлетел после промежуточной посадки и дозаправки в ирландском аэропорту Шэннон. Было утро 19 августа 1991 года. Лишь через минуту до меня дошел смысл сказанного: мои соседи имели в виду отстранение от власти Михаила Горбачева. Они слышали об этом из репортажа CNN, который видели в Шэнноне, и реагировали на новость с явным одобрением. В самолете летели в основном советские граждане – некоторые ехали на конференции и в дипломатические командировки, но большинство – по частным делам, к родственникам-эмигрантам и с другими целями. Сам я направлялся в Штаты по делу. Уже несколько месяцев я работал помощником двух американцев, журналиста Струба Тэлботта и историка Майкла Бешлосса, которые писали книгу об окончании холодной войны. Я вез для них кассеты с записями интервью с советскими дипломатами, военными экспертами, работниками ЦК КПСС. В голове сложился и собственный проект – книга о том, как Советский Союз вел холодную войну. Амхерстский колледж в Массачусетсе предложил мне стипендию, чтобы я мог начать писать эту книгу вдали от суматохи Москвы, города, где я родился, жил и работал.

Новость об отстранении Горбачева меня потрясла. В первые минуты я даже подумал, что это недоразумение. С самого начала перестройки я поддерживал его реформы и освобождение научной, культурной и политической жизни в Советском Союзе от партийно-идеологического гнета. В 1990 году, когда Горбачев явно потерял компас и утратил контроль над процессами, которые он же сам сделал возможными, я с молодыми друзьями по академическому институту стал сочувствовать Борису Ельцину, который с гораздо большей решимостью рвал с прежним порядком. Никто из моих знакомых не сомневался, что старая система, коммунистическая партия, централизованное управление экономикой и «социалистический выбор» обречены. Однако никому не хотелось штурмовать Кремль или рушить государственные структуры; все надеялись на реформы, а не на революцию. Вместе с друзьями я участвовал в демократических митингах, жадно читал работы экономистов, которые обсуждали, как вернуться от командной экономики, выстроенной Сталиным, к рыночной. Я также поддерживал движение за независимость в Литве и Грузии. Но при этом считал, что Горбачев и дальше будет оставаться у власти, а демократические силы будут его подталкивать к более радикальным реформам. В растерянности и с тяжестью на сердце я вышел из самолета в аэропорту имени Кеннеди и купил объемный воскресный номер «Нью-Йорк Таймс». В газете сообщалось, что Горбачева отстранили от власти военные и КГБ, пока он отдыхал в Крыму.

Осенью 1991 года я работал в библиотеке и архиве Амхерстского колледжа, но еще больше времени проводил за чтением газет и перед телевизором. Громадное облегчение, когда путч провалился и Горбачев вернулся в Кремль, быстро сменилось тревогой за будущее. Советская экономика валилась в пропасть. Украина и другие республики собирались выйти из Союза. Мой разум разрывался в когнитивном диссонансе: я оказался гражданином государства, которое разваливалось на глазах. Американские коллеги шутили, что СССР теперь должен называться «Союз все меньших и меньших республик». Я не мог разделить их веселье. К счастью, со мной в Амхерсте находились жена и сын. Жизнь продолжалась, и в конце сентября в больнице в Нортгемптоне, штат Массачусетс, родился мой второй сын. Но меня по-прежнему терзала мысль, в какую же страну нам предстоит возвращаться.

Назад в СССР мы так и не попали. Когда мой рейс приземлился в московском Шереметьево 31 декабря 1991 года, лидеры России, Украины, Беларуси и других республик уже

распустили Советский Союз, а Горбачев ушел в отставку. Тускло освещенный аэропорт Шереметьево-2 казался пустым. Наконец кто-то подогнал трап к выходу. Пассажиры с пакетами и сумками спустились по морозу на поле и пошли к основному зданию. Таможенников не было. Не было даже пограничников, чтобы проверить наши паспорта и визы. Странно, что кто-то выдал нам багаж. Новое российское государство казалось страной с незащищенными границами, без таможенного контроля, с обесцененной валютой и пустыми магазинами. Незыблемые государственные структуры словно испарились. Страна, откуда я уехал всего несколько месяцев назад, в августе, внезапно исчезла.

Я давно хотел написать о конце Советского Союза, но считал, что для этого должны пройти время, улечься страсти, уйти предубеждения. Я ждал напрасно. Воспоминания о 1991 годе угасали, но мнения и мифы, появившиеся тогда, остались. То, что прежде считалось гипотезой, превратилось в «истину», незыблемую, как советская государственность до 1991 года. На Западе развал СССР стал восприниматься как нечто предопределенное и неизбежное, слишком очевидное, чтобы нуждаться в дальнейшем изучении¹. Когда в 2005 году президент РФ Владимир Путин назвал распад Советского Союза «величайшей геополитической катастрофой века», большинство западных наблюдателей заявили, что он страдает ностальгией. Либеральный Запад продолжал расширять НАТО на Восток. Настроение изменилось после военного конфликта России с Грузией в 2008 году и особенно после присоединения Крыма в 2014 году. Западные комментаторы встревожились, стали говорить, что Россия хочет восстановить свою «утраченную империю».

В 2019 году бывший премьер Польши и глава Евросовета Дональд Туск назвал крах Советского Союза «благословенным» для Центральной и Восточной Европы, грузин, поляков и украинцев^{2, 3}. Лишь немногие на Западе все еще помнили, что ведущую роль в роспуске СССР сыграли демократические силы России и Борис Ельцин. За рубежом Михаила Горбачева продолжали чествовать как героя-одиночку, который, по всеобщему признанию, дал ход череде неотвратимых исторических событий. Когда Горбачев поддержал присоединение Крыма к России, в западной прессе решили, что это странная аберрация стареющего экс-лидера.

В России отношение к распаду СССР осталось черно-белым. Либералы по-прежнему были убеждены, что реформировать Советский Союз было невозможно, а писать о причинах его «смерти» – пустая трата времени. Туда и дорога империи, которая даже не сумела дать народу хлеба и зрелищ! Противоположный лагерь оплакивал великую державу, вождя Сталина и считал Горбачева предателем, продавшимся Западу. С той и другой стороны были и молодые люди, которые даже не родились, когда СССР перестал существовать.

Историки и политологи также остались при старых взглядах и теориях. Одни думают, что превосходство Соединенных Штатов и их политики в период холодной войны заставили СССР отступить и сдаться на милость победителя. В глазах других объявленная Горбачевым гласность дискредитировала коммунистическую идеологию и обрекла советскую систему на провал. С точки зрения третьих, Советский Союз развалился, поскольку его экономика была обречена и неэффективна. Для четвертых движения за национальную независимость неминуемо должны были разрушить и разрушили «последнюю империю» в Европе и Азии. Наконец, некоторые исследователи прославляли Горбачева и винили в развале влиятельные советские элиты, которые противились горбачевским реформам, что и привело к кризису реформ и рас-

¹ См. *Stephen F. Cohen*. Was the Soviet System Reformable? *Slavic Review* 63:3 (2004), pp. 459–488; *Mark Kramer*, The Reform of the Soviet System and the Demise of the Soviet State, *Slavic Review* 63:3 (2004), pp. 505–512.

² Обращение Путина – <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>; Дональда Туска – <https://www.rferl.org/a/eu-leader-to-putin-soviet-union-s-collapse-was-a-blessing-not-a-catastrophe/30049755.html> *.

³ В тексте книги есть ссылки на источники, включенные в реестр Министерства юстиции РФ как лица, выполняющие функции иностранного агента, и ресурсы, заблокированные Роскомнадзором. Все они далее помечены «звездочкой» в примечаниях (*). – *Прим. ред.*

паду СССР. В этой книге я утверждаю, что ни одна из этих причин в отдельности не разрушила бы Советский Союз. Потребовалось время, чтоб разобраться, как все эти обстоятельства наложились друг на друга и обернулись катастрофой для советского государства. Нужно было также осмыслить, почему правление Михаила Горбачева не только не предотвратило, но, в сущности, породило эту катастрофу.

В литературе утверждается, что Советский Союз рухнул из-за груза империи: он проиграл войну в Афганистане, нес непосильное бремя военных расходов и спонсировал множество союзников и сателлитов. По мнению ряда ученых, советская сверхдержава больше не могла конкурировать с Соединенными Штатами и их западными союзниками в военном и технологическом отношении. Впрочем, в последнее время эта точка зрения начала терять сторонников. Начали писать, что давление со стороны США не сыграло ту роль, на которую надеялись в Вашингтоне и не было главным фактором «падения коммунизма» в Восточной Европе, крушения Берлинской стены и конца холодной войны. Также говорят, что никто в Вашингтоне и других западных столицах не ожидал, что в Советском Союзе после 1988 года без всякой видимой внешней причины разразится экономический и политический кризис такой силы. Монолит, который казался несокрушимым, начал крошиться на глазах⁴. В последнее время появились более детальные исследования о роли западного, особенно американского, фактора в развале СССР⁵. Этот фактор стал ключевым для формирования поведения советских элит и контрэлит, – но уже с конца 1990 года, после того как Советский Союз вошел в предсмертный кризис. В ходе исследования я пришел к твердому убеждению, что в истории гибели СССР внешние движущие силы нужно рассматривать как вторичные по отношению к внутренним.

Гласность⁶ и откровенное обсуждение в СМИ советской истории развеяли пелену всеобщего конформизма, вызвали кризис официальной идеологии, способствовали подъему антикоммунистических и националистических движений в стране. Однако не совсем ясно, стал ли идеологический кризис фатальным для советской государственности. Советская элита, особенно в Москве, давно знала о преступлениях и репрессиях Сталина. Большинство членов партии и почти все комсомольцы уже давно считали идеологию докучным, хотя и обязательным, ритуалом, а на деле жили другими интересами, ценили доступ к дефицитным и импортным товарам, выезды за границу, западную рок-музыку и массовую культуру⁷. Идеологическое единство партии было фикцией – там можно было встретить и либералов, и сталинистов. Но, с моей точки зрения, не это стало причиной того, что правящая партия вдруг уступила экономические и политические рычаги в 1990–1991 годах. Мое исследование показывает, что стало результатом решений Горбачева, его беспрецедентного нежелания использовать власть.

Экономический кризис сыграл центральную роль в последние годы советской истории, и его значение часто недооценивают. В сочетании с разоблачениями преступлений и ошибок недавнего прошлого этот кризис способствовал массовому недовольству и мобилизации антисистемных движений. Очевидно, что советская планово-распределительная модель была расточительной, разорительной, порождала хронический дефицит товаров даже первой необходимости. Тем не менее до сих пор многим неясно, что вызвало ее быстрое обрушение. Пишут, что экономика впала в кризис из-за падения цен на нефть. Также говорится о том, что сопротивление партии, военно-промышленного комплекса и других «лобби» помешало Горбачеву

⁴ James Wilson. *The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War*. (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015); Robert Service. *The End of the Cold War, 1985–1991* (London: Macmillan, 2015).

⁵ Kate Geoghegan. A Policy in Tension: The National Endowment for Democracy and the U.S. Response to the Collapse of the Soviet Union, *Diplomatic History* 42:5 (2018), pp. 771–801.

⁶ Политика поощрения публичного обсуждения острых общественно-исторических проблем, ослабление государственной цензуры.

⁷ Об этой параллельной реальности и имитации риторики см., например, *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006).

провести необходимые экономические реформы. Эти концепции не подтверждаются фактами. В этой книге я следую за теми экономистами, которые пришли к выводу, что советскую экономику погубили не структурные недостатки, не цены на нефть, не консервативные лоббисты, а реформы горбачевской эпохи. Неумышленное разрушение советской экономики и финансов теми, кто ее реформировал, – самое убедительное объяснение и, по-видимому, главная причина распада СССР⁸. На этой предпосылке строятся важнейшие причинно-следственные связи в моей книге.

Некоторые ученые пишут, что многонациональному СССР было суждено развалиться – так произошло со всеми империями. В одном авторитетном исследовании автор утверждает, что националистические движения начались на советских окраинах, таких как Прибалтика, но затем породили эффект «имплозии», сгенерировав движение русских в центре. Идея о распаде Советского Союза стала мыслимой, а затем стала казаться неизбежной все большему числу советских граждан. «Национальные протесты и межэтническое насилие» шли волна за волной, заключает этот автор, и в конце концов сломили способность советского государства к самозащите⁹. Поскольку Советский Союз распался на пятнадцать независимых государств в границах республик, такое объяснение звучит правдоподобно. Но при ближайшем рассмотрении эта версия событий тоже не подтверждается. Она преувеличивает роль в распаде СССР националистических движений в Прибалтике и на Украине. В то же время недооценивается удивительный фактор распада – советское государство вовсе не было «сломлено», но оказалось неспособно защитить себя. Идея поздней мобилизации русских и их роль в распаде Союза интересна, но автор весьма упрощает то, что происходило в Москве, столице СССР, и в среде этнических русских¹⁰. Моя работа не исходит из имперской парадигмы. Я пытаюсь разобраться в том, действительно ли русские в Москве и в провинции решили избавиться от советской государственности, что ими двигало и как они представляли будущее.

Важное место в книге отведено советским элитам. Правы ли были демократы и сторонники Ельцина, что эти элиты были в своем большинстве непримиримыми врагами любых реформ и мешали Горбачеву развернуться? Обнаруженные мной документы и факты показывают, что многие советские бюрократы и чиновники, прежде всего в Москве и Ленинграде, проявляли чудеса приспособления к меняющимся обстоятельствам. Некоторые западные исследователи даже написали о «капиталистической (контр)революции» – о готовности советской номенклатуры, то есть людей высших эшелонов бюрократии и партийного аппарата, отказаться от «социалистического проекта», чтобы самим захватить государственную собственность. Пишут даже, что эта номенклатура оказалась самой организованной частью советского общества и использовала свои связи и контракты для личного обогащения. В действительности взгляды людей в советской бюрократии варьировались от реакционных до либерально-демократических¹¹. В этой книге я подробно пишу про настроения и интересы совет-

⁸ Аспекты этой обширной темы были исследованы в следующих трудах: *Michael Ellman and Vladimir Kontorovich* (eds.). *The Disintegration of the Soviet Economic System* (New York: Routledge, 1992), а также в *The Destruction of the Soviet Economic System: An Insider's History* (London: Routledge, 1998); *Philip Hanson*, *From Stagnation to Catastrophe: Commentaries on the Soviet Economy, 1983–1991* (Westport, CT: Praeger, 1992); *David Woodruff*, *Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999); *Juliet Johnson*, *A Fistful of Rubles: The Rise and Fall of the Soviet Banking System* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000); *Гайдар Е. Т.* *Гибель империи: Уроки для современной России* (англ. *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*, trans. *Antonina W. Bouis*. (Washington, DC: Brookings Institution, 2007)).

⁹ *Mark R. Beissinger*, *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State* (New York: Cambridge University Press, 2002). Роль Украины в распаде СССР преувеличена в книге *Serhiy Plokhyy*, *The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union* (New York: Basic Books, 2014).

¹⁰ Первую и единственную попытку сделать это предпринял Джон Данлоп в *John Dunlop*, *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993). См. также *Geoffrey Hosking*, *Rulers and Victims: Russians in the Soviet Union* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2005). Вопрос об «империи» поставлен в книге *Edward W. Walker*, *Dissolution: Sovereignty and Breakup of the Soviet Union* (New York: Rowman & Littlefield, 2003).

¹¹ *David M. Kotz and Fred Weir*, *Revolution from Above: The Demise of the Soviet System* (New York: Routledge, 1997); *Steven*

ских элит в быстро меняющейся обстановке. В центре внимания – реакция этих людей на развал экономики, политическую анархию и этнонациональные конфликты.

Многие линии в исследовании крушения Советского Союза переплелись и создали пространственное ощущение обреченности СССР. Результат – событие в итоге стало самоисполняющимся пророчеством. И все же для историка этот коллапс – головоломка, которая не совсем складывается. Она и есть главная тема книги.

В центре головоломки – фигура Горбачева. Личность и лидерские качества последнего помогают собрать вместе многие фрагменты истории распада СССР. Ученые, симпатизирующие Горбачеву, обычно предпочитают писать о его успешной международной политике, уделяя немного внимания его неудачам внутри страны. Провал горбачевских реформ эти историки объясняют то врожденными пороками общества, то сопротивлением и предательством окружения. В этом ключе выдержаны книги Арчи Брауна, возможно, самого влиятельного западного поклонника советского лидера¹². Уильям Таубман, написавший самую полную биографию Горбачева, не обходит недостатки своего главного героя, но отказывается признать его реформы провальными. Напротив, по мнению Таубмана, Горбачев «зложил фундамент для демократии» в Советском Союзе: «В том, что строительство российской демократии займет гораздо больше времени, чем он думал, скорее виноват исходный материал, с которым он работал, нежели его собственные недостатки и промахи»¹³. С этим, похоже, согласен ведущий историк периода холодной войны О. А. Вестад. «Финал холодной войны стал чисто советской трагедией», – заключает он. Горбачев мог бы сохранить страну силой, но «предпочел, чтобы Союз исчез...»¹⁴.

Оценка благих побуждений и политики Горбачева требует более реалистичного подхода со взвешенным исследованием социальных и экономических проблем. Недаром считается: «внешняя политика начинается дома». Нельзя говорить о зарубежном триумфе политика, который теряет опору в своей стране. Был ли Горбачев провидцем мирового масштаба, который не стал пророком в своем отечестве потому, что был для него слишком хорош? Эта книга сводит в единое повествование международные и внутренние процессы, повлиявшие на судьбу Советского Союза.

В моей работе переосмысливается развал СССР как неизбежность. Конечно, в истории нет сослагательного наклонения, но в ней всегда есть выбор. Среди вопросов, которые ставятся в книге, следующие: какие варианты политики имелись у Кремля, и почему Горбачев действовал именно так, как он действовал? Могли ли разумное применение им силы и стимулов, решительные действия и немного везения вызвать другой исход событий? Как и когда политические решения, случайности, общественные движения, какие-то стечения обстоятельств привели к тому, что дестабилизация страны и государства прошла точку невозврата? Когда я начал обсуждать эти вопросы публично, скептики возразили: зачем это? Советский Союз был обречен, его история ужасна, нужно лишь праздновать, что он закончил свои дни малой кровью. Эти возражения напомнили, что один исследователь написал об СССР сразу после его распада: «Мы склонны наделять свершившееся ореолом неизбежности. Довод о том, что случившееся могло бы и не произойти, обычно отвергается как надуманное, как оправдание

Solnick. Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998); *Stephen Kotkin and Jan Tomasz Gross. Uncivil Society: 1989 and the Implosion of the Communist Establishment* (New York: Modern Library, 2009); *Georgi M. Derluguian. Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: The World-System Biography* (Chicago, IL: Chicago University Press, 2005).

¹² *Archie Brown. The Human Factor: Gorbachev, Reagan, and Thatcher, and the End of the Cold War* (London: Oxford University Press, 2020). См. также его публикацию *Did Gorbachev as General Secretary Become a Social Democrat?* *Europe-Asia Studies* 65:2 (2013), pp. 198–220.

¹³ *William Taubman. Gorbachev: His Life and Times* (New York: Simon & Schuster, 2017), p. 688.

¹⁴ *Odd Arne Westad. The Cold War: A Global History* (London: Allen Lane, 2017), pp. 613–614.

проигравшей стороны»¹⁵. В своей книге я не упражняюсь в рассуждениях, как можно было сохранить «советскую империю зла» и партийно-авторитарный режим, что бы ни говорили мои будущие критики. Мне хотелось быть интеллектуально честным в отношении предмета исследования. Гибель СССР, как и всякое громадное историческое событие, не была чередой заранее предрешенных событий, она изобиловала случайностями и, разумеется, одними из главных факторов человеческого поведения – ошибками, глупостью, страхами и жадой власти.

Непредсказуемость и неопределенность присущи всей мировой истории. Что бы ни писали марксисты или либеральные социологи, общественные движения и идеологические течения не определяются рациональным выбором, а скорее являются продуктами страстей и представлений, почти всегда ложных. Политическая воля немногих, а иногда и одного человека, толкает историю в неожиданных направлениях. Наконец, происходят никем не ожидаемые катастрофы с огромными последствиями. Последняя мысль особенно часто посещала меня во время пандемии, когда я заканчивал книгу.

Американский дипломат Джордж Кеннан, автор доктрины сдерживания, в 1946 году говорил своим студентам в Национальном военном колледже в Вашингтоне, что советскую угрозу Западу можно устранить с помощью «постепенного смягчения советской политики под влиянием твердого и спокойного сопротивления ей извне». Впрочем, оговорился он, такое смягчение никогда не было бы полным и потребовало бы много времени. Другим, более радикальным вариантом, по мнению Кеннана, мог стать «внутренний разлад, который временно ослабил бы советский потенциал и привел бы к [ситуации], похожей на события 1919–1920 годов». Хотя Кеннан не считал его особенно вероятным, именно этот сценарий похож на то, что произошло с Советским Союзом в 1991 году¹⁶. Никто, включая самых прозорливых экспертов, не мог предвидеть, что СССР, который выстоял под чудовищным натиском армий Гитлера, рухнет под грузом внутренних кризисов и конфликтов. За первые три десятилетия после Второй мировой войны индустриальная и военная мощь СССР невероятно возросла, и его запас прочности казался бескрайним. Западные руководители и лидеры мнений говорили о «советской сверхдержаве», сопернице США как по экономическим, так и военным возможностям. В 1950-х годах ЦРУ и многие зарубежные экономисты даже предсказывали, что СССР превзойдет Соединенные Штаты по мощи. На самом же деле советская держава всегда страдала от экономического и финансового отставания от американского лидера. Статус сверхдержавы был результатом системы, которая позволяла феноменальную концентрацию ресурсов в руках государства и в конце концов дала СССР возможность простираť свои военные силы на все континенты. Это могло работать, пока «экспорт» военного потенциала подкреплялся убедительной идеологией и опирался на внушительные экономические возможности. В 1980-х годах стало очевидно, что советская идеология выдохлась, а в экономике и обществе накопились громадные проблемы. Эксперты на Западе опасались, что у Советского Союза откроется второе дыхание. Этого не произошло. Но даже в 1990 году большинство авторитетных наблюдателей и комментаторов не считали, что СССР обречен. И Горбачев, и его оппоненты признавались, что, если бы не августовский «путч», у советского государства еще был бы запас прочности, и оно не развалилось бы так скоропостижно и до основания¹⁷.

В книге я пытаюсь освободиться от доминирующей на Западе, на Украине и Прибалтике, и в либеральных кругах в России концепции о неизбежности распада СССР. Она возникла сразу же после крушения Союза, но тридцать лет спустя обрела новую и очень многочисленную аудиторию. В самом деле, сегодня родившихся после 1991 года столько же, сколько тех,

¹⁵ Vladimir Kontorovich. The Economic Fallacy, The National Interest 31 (1993), p. 44.

¹⁶ Frank Costigliola (ed.). The Kennan Diaries (New York: W. W. Norton, 2014), p. 199.

¹⁷ См. материалы Стивена Ф. Козна, Арчи Брауна, Марка Крамера и Стивена Э. Хансона в Slavic Review 63:3 (осень 2004), pp. 473–474, 483, 486, 493, 500, 503, 506–508, 512, 533.

кто помнит Советский Союз. Читатели, убежденные в неизбежности гибели «империи зла», найдут в книге много нового. Развал СССР не шел по написанному сценарию. Это трагедия человеческих надежд, идей, страхов, страстей и непредвиденных событий. Мы увидим, что Горбачев и кремлевское окружение спорили о реформах, ломали голову над тем, как быть с межнациональными конфликтами и покидающими Союз республиками, признавали или не признавали ошибки, обвиняли в них других, боролись за власть. Стенограммы обсуждений дают нам возможность окунуться в воды прошлого, многие из этих документов не могут никого оставить равнодушным. Понимая, что современный читатель ищет достоверности в море вторичной информации, я сознательно предпочитал те свидетельства, которые отражают сиюминутную реакцию, страхи и слухи момента, редкие взлеты оптимизма и все более частые приступы пессимизма и отчаяния, характерные для людей того времени.

Не умаляя значения Горбачева, я расширил круг действующих лиц, прислушивался к их мнениям и инициативам вне зависимости от того, считались ли они тогда «правильными» или «неправильными». Советские реформы и их крах нельзя приписывать одному лидеру, сам лидер нуждался в «хоре» – как это было почти всегда со времен античной трагедии. Чем ближе к окончательному коллапсу СССР, тем больше список персонажей, тем они разнообразнее. По мере того как Горбачев делегировал центральные полномочия и замещал старую советскую иерархию власти на странную систему «демократического социализма», где «вся власть» была отдана Советам, многие почувствовали себя не пассивными наблюдателями, а участниками истории, если не ее творцами. Этот бурный политический поток оказался нацелен больше на разрушение, чем на созидание, – как и политическая дуэль между Горбачевым и его роковым соперником Ельциным. Я показал широкий спектр партийных тяжеловесов, реформаторов, экономистов, дипломатов, депутатов парламента, офицеров и аналитиков КГБ, маршалов и генералов, руководителей предприятий ВПК, начинающих банкиров и предпринимателей, журналистов, прибалтийских националистов, украинских политиков и многих других.

В книге также рассказывается, какое значение имел Запад и, в частности, США в драматических событиях, закончившихся коллапсом СССР. Западные СМИ и политические круги в Вашингтоне в то время играли громадную роль в формировании представлений и политики общественных и политических движений, высшего круга советских государственных деятелей, включая Горбачева и его ближайшее окружение. В последние годы Советский Союз стал настолько «прозрачным» для западных дипломатов, что американские и британские источники, личные дневники и официальные депеши, нередко содержат уникальную информацию, без которой невозможно писать историю тех месяцев и дней. Высокое качество западной аналитики и ее внимание к деталям зачастую позволяло мне заполнить лакуны и исправить многочисленные неточности в советских документах. Как и на заре советской власти (а может, и российской истории), иностранцы выступали и участниками событий, и ее летописцами. В течение двух последних лет существования СССР администрация США, члены Конгресса, СМИ и некоторые американские неправительственные организации, а также религиозные деятели включились – кто неохотно, а кто с энтузиазмом – в бурный политический процесс «реформирования» Советского Союза. Причем для советских граждан «американский фактор» и «американское присутствие» тогда приобрели гораздо большее значение и смысл, чем представлялось самим американцам. В тот уникальный момент Соединенные Штаты оказывали на элиты – советские и антисоветские – столь громадное влияние, что его можно сравнить лишь с американским влиянием в Западной Европе в первые годы после Второй мировой войны, когда США предоставляли европейцам огромную помощь в рамках плана Маршалла. «Американский феномен» в советской политике нельзя сводить к стереотипам, нельзя считать вмешательством в дела другой страны – и тем более искать в нем преднамеренный злой умысел. Те в России, кто продолжает рассуждать по поводу «американского заговора с целью уничтожить СССР», не хотят признать, что тогда многие даже в высших советских элитах при-

ветствовали «явление Америки народу». Многие в Советском Союзе, среди них Ельцин и его окружение, приглашали американских экспертов в Москву помочь с преобразованием советского общества. Поразительно в этой истории другое – насколько плохо руководители США и СМИ представляли те возможности, ту «мягкую силу», которую они имели в те годы в терпящей кризис стране. В мотивах американцев было много достойного, ряд их действий был прагматичным, направленным на предупреждение возможных катастрофических последствий распада СССР. Но в целом интересы американской безопасности и краткосрочные политические расчеты превалировали над тем, что можно назвать «видением будущего».

Поиск материалов и источников для этой книги растянулся на три десятилетия. Мои суждения опираются на личные наблюдения, беседы с ведущими советскими политиками, дипломатами, военными, офицерами КГБ, представителями военно-промышленного комплекса и людьми из самых разных слоев советской жизни, государства и общества. В архивах и библиотеках мне удалось получить документальные свидетельства, которые не могли дать личные воспоминания. Документы последних лет СССР открыты и доступны в архивах, в том числе выложены и в электронные базы данных. Особенно ценны для истории стенограммы того, что обсуждалось в окружении Горбачева и Ельцина, в государственных органах, на заседаниях парламента, на собраниях радикальной оппозиции, на многочисленных конференциях экспертов и ученых. Особую ценность представляют личные документы, заметки и записи, письма и дневники. Ценнейшую информацию мне также дали архивы в США и интервью с многочисленными американцами, свидетелями и участниками описываемых событий. Хочу повторить: никто не следил за событиями в СССР пристальнее, чем аналитики другой сверхдержавы.

По мере сбора данных для этой книги я корректировал свои суждения, отказывался от того, что раньше считал неопровержимым, и ставил под сомнение прежние выводы. От некоторых убеждений я не отказался. Я продолжаю считать, что централизованная советская экономика и горбачевский «социалистический выбор» были обречены. В то же время я уже не столь уверен, что распад коммунистической партии как стержня государства, был таким уж неизбежным и необходимым делом, как считала вся прогрессивная общественность в начале 1990-х годов. Меня поражает, как много людей ясно видели надвигающийся кризис и при этом не смогли представить себе, что крах государственности может похоронить под руинами не только пороки, но и лучшее, что существовало в советском обществе, например, интеллигенцию, фундаментальную науку, веру в прогресс и гуманизм. Также удивляет, сколько исторических деятелей радикально поменяли взгляды за пару лет под влиянием политических страстей, страхов, идеологических иллюзий или заблуждений, а также личных амбиций. Сама эта смена убеждений или взглядов – вернейший признак революционных перемен.

По прошествии многих лет даже известные факты выглядят иначе. Роль идеологии на финальном этапе советской истории теперь кажется мне более значимой, чем когда я был свидетелем и участником событий. В молодости я считал неоленинские заявления Горбачева демагогией, а теперь понял, что он был абсолютно искренним и от чистого сердца желал «больше социализма». Тогда мне казалось, что на смену коммунизму должен обязательно прийти либерализм по американскому образцу, особенно в экономике. Теперь то, что тогда представлялось «торжеством здравого смысла», кажется пришествием еще одной идеологии, с противоположным знаком. Проекты и идеи реформ, которыми тридцать лет назад упивалась демократическая интеллигенция в Москве и за ее пределами, сегодня кажутся удивительно наивными и прямолинейными. То, что когда-то звучало как «иного не дано», теперь выглядит спорным, наивным, а нередко чреватой катастрофой. Я вовсе не собираюсь критиковать задним числом исторических деятелей. Их мотивы и страсти следует рассматривать в контексте их времени. В то же время нельзя не признать, что мало кто из них понимал, что он творит, слишком мало они знали и еще меньше понимали. Отношу к ним и самого себя тридцатилетней давности. В частности, одним из главных сюрпризов для меня при написании книги было осознание реша-

ющей и безжалостной роли финансов во внутренних и международных делах. Деньги сыграли ключевую роль в гибели СССР. В силу своего вполне советского невежества в финансовых вопросах я даже не мог себе этого представить.

Поначалу за отправную точку в своей хронике распада Советского Союза я выбрал январь 1991 года и хотел продолжить рассказ о гибели страны месяц за месяцем. Но вскоре понял, что читатель, особенно молодой, просто не поймет, почему страна оказалась тогда на пороге катастрофы. Последнему году советской истории предшествовал взлет реформ, огромных надежд, вспышки национализма, радикализма и поляризации. То, с чего я первоначально планировал начать книгу, оказалось ее серединой и концом – период разочарований, страхов перед новой диктатурой, нарастание усталости, когда все больше людей смирялись с неизбежностью краха всего, во что они еще недавно верили. Теперь книга начинается с правления Юрия Андропова в 1983 году, когда бывший руководитель КГБ и новый глава партии начал втайне подготавливать перемены. В первой части книги (главы 1–6) рассказывается, как Горбачев и его реформаторски настроенное окружение превратили консервативные преобразования сверху в авантюру коренной перестройки и в конечном счете убрали критически важные опоры, на которых держались советская система и государство. В этой части я показываю, как антисистемная энергия, накопленная за годы советского однопартийного правления, была усилена провальными реформами Горбачева и выпущена в сферу публичной политики. Вторая часть (главы 7–15) посвящена самому краху. В книге пересматриваются знакомые составляющие этой истории, но добавляется много новой, незнакомой читателю информации.

Я закончил книгу с убеждением, что загадка крушения СССР остается «живой историей», которая продолжает будить страсти и делить общество на непримиримые лагеря. Почти в любом разговоре – с русскими в России или собеседниками на Западе – люди живо и с любопытством реагировали на эту тему. За пределами России многие недоумевали, почему Горбачев, которого они считали героем и чуть ли не пророком, продолжает вызывать столько ненависти на родине. Была ли альтернатива его «перестройке»? Действительно ли была угроза новой диктатуры, еще худшей, чем партийно-советская? Имел ли шансы на успех горбачевский проект о добровольном союзе демократических государств? Была ли возникшая в 1991 году новая Россия обречена на возврат к авторитаризму, или это результат серии упущенных возможностей? Надеюсь, книга удовлетворит любопытство и оставит читателей с лучшим пониманием того, почему и как произошел один из величайших геополитических переворотов прошлого века, открывший дорогу тому миру, в котором мы оказались сегодня.

Часть I

Надежды и амбиции 1983–1990

Глава 1 Перестройка

«Разработать такую систему организационных, экономических и моральных мер, которая заинтересовала бы в обновлении техники и руководителей... сделала бы невыгодной работу по старинке, – вот в чем задача».

Юрий Андропов, 15 июня 1983 года¹⁸

«Так дальше жить нельзя».

Михаил Горбачев, март 1985 года

РЕФОРМАТОР ИЗ КГБ

Мысль обновить Советский Союз зародилась не у Михаила Горбачева, а у его наставника Юрия Андропова. Годы спустя после развала СССР многие с сожалением говорили: «Вот бы Андропов пожил дольше». Они имели в виду, что под его руководством страну можно было бы реформировать, но при этом удержать от распада. В сущности, Андропов реабилитировал идею обновления (или перестройки) и поставил своему преемнику Горбачеву задачу развивать ее дальше.

Андропов родился в июне 1914 года, за два месяца до начала Первой мировой войны. Вопрос происхождения его семьи вызывает споры¹⁹. Сам он утверждал, что родом из казачества, но в действительности родился в семье еврея-торговца из Финляндии Карла Финкельштейна, который переехал с семьей в Москву и открыл ювелирный магазин на Большой Лубянке, 26. Появись Андропов на свет на пару десятилетий раньше, он, возможно, стал бы предпринимателем или даже банкиром. Но он скрыл свое происхождение, сделал партийную карьеру в годы сталинского террора и в итоге оказался в другом здании на Лубянке, возглавив Комитет государственной безопасности (1967–1982). Суровый, умный и деятельный, Андропов обзавелся влиятельными покровителями и превратил КГБ в разветвленную корпорацию на страже партийной диктатуры с функциями обеспечения охраны и секретности, разведки за рубежом и слежки внутри страны.

Андропов оказывал множество услуг стареющему Леониду Брежневу, тогдашнему генеральному секретарю Компартии. В 1969 году КГБ обеспечил тайный канал связи с руководством Западной Германии, что положило начало разрядке напряженности в Европе. Андропов давил инакомыслие среди советской интеллигенции, отправляя активистов-правозащитников в психбольницы. В качестве альтернативы он предложил разрешить эмиграцию диссидентов и евреев из Советского Союза. Глава КГБ также снабжал советского лидера импортным снотвор-

¹⁸ <https://liders.rusarchives.ru/andropov/docs/rech-yuv-andropova-na-plenum-tsk-kpss-15-iyunya-1983-g.html>.

¹⁹ Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., Центрполиграф, 2008. С. 2–18. Это первая биография руководителя КГБ, основанная на документальных свидетельствах из его личного дела.

ным, чтобы бороться с хронической бессонницей²⁰. Андропов подвел Брежнева лишь однажды – в 1979 году убедил ввести советские войска в Афганистан «для спасения социалистического режима», пообещав, что операция будет краткосрочной. Брежнев простил «Юре» эту ошибку. Он хотел, чтоб Андропов стал его преемником. Незадолго до смерти Брежнев перевел Андропова из КГБ в партийный аппарат и попросил возглавить Секретариат в свое отсутствие. Это был последний подарок советского лидера своему протеже. Когда в ноябре 1982 года Брежнев умер во сне, Андропов сменил его у кормила без какой-либо борьбы за власть.

Большинство советских людей с одобрением восприняли приход Андропова, долгожданного сильного лидера. Интеллигенция содрогнулась, не ожидая ничего хорошего от главного чекиста страны. При взгляде на аскетичное лицо Андропова вспоминался Великий инквизитор из романа Достоевского «Братья Карамазовы», всеведущий и беспощадный. Когда Андропов подбирал людей в свое окружение, он не нуждался в собеседованиях с кандидатами. Когда кто-то предложил рассказать о себе, Андропов без тени иронии заметил: «Неужели вы думаете, что знаете о себе больше, чем я о вас?»²¹

Андропов выступал за контролируемые, консервативные реформы²². Его подход родился в дни венгерской революции 1956 года, где он работал советским послом. За стеной посольства разъяренная толпа повстанцев расправлялась с коммунистами и офицерами безопасности Венгрии. 31 октября под влиянием докладов Андропова из Будапешта советский лидер Никита Хрущев и его коллеги по партии начали операцию «Вихрь» – 6000 советских танков подавили восстание и установили просоветский марионеточный режим во главе с Яношем Кадаром. Андропов до конца жизни вспоминал «печальные венгерские события». Вероятно, это была его самая близкая встреча с насильственной смертью. Жена Андропова так и не смогла полностью оправиться от пережитого нервного срыва²³. Андропов вынес из кровавых событий свое политическое кредо: подавлять инакомыслие безжалостно, но не доводя до взрыва; готовить реформы сверху, пока не стало поздно; при необходимости без колебаний применять силу.

С начала 1960-х годов, работая в партийном аппарате в Москве, Андропов окружил себя советниками-интеллектуалами. Он хотел знать, о чем думает интеллигенция. Также его интересовала проблема модернизации и обновления советской экономики. Советники Андропова прошли войну и верили в идеи марксизма-ленинизма. Они были потрясены разоблачениями преступлений Сталина, но не расстались с мечтой о справедливом и свободном социалистическом обществе и мечтали о реформах сверху²⁴. Один из них, философ и социолог Георгий Шахназаров, вспоминал, как обсуждал с Андроповым, какая жизнеспособная модель социализма могла бы прийти на смену сталинской. Андропов просил его и других своих советников выражать свои мысли абсолютно откровенно²⁵.

Андропов задал знаменитый ленинский вопрос: что делать? Как заставить советское государство служить инструментом социализма? Шахназаров ответил: проблема в удушающей диктатуре партии. Без «социалистической демократии» и подлинных выборов, утверждал он, партийная бюрократия всегда будет руководствоваться корыстными интересами и не станет заботиться о благосостоянии народа. Лицо Андропова потемнело. Он прервал Шахназарова. В прошлом, сказал он, советская система добивалась фантастических, почти невозможных результатов. Да, партийная бюрократия «заржавела», но руководство готово «встряхнуть» экономику. Было бы безумием преждевременно демонтировать партийно-государственную

²⁰ Там же.

²¹ Интервью с Аркадием Вольским: «Четыре генсека» //Коммерсантъ, № 169, 12 сентября, 2006, <https://www.kommersant.ru/doc/704123>

²² Об этом см. *Moshe Lewin. Kosygin and Andropov*, в книге *The Soviet Century*. London: Verso, 2005.

²³ *Млечин Л. М.* Юрий Андропов. С. 87–88.

²⁴ *Vladislav Zubok. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*. Cambridge, MA: Belknap Press, 2009.

²⁵ *Шахназаров Г. Х.* Цена свободы. М.: Россия Зевс, 1993. С. 23.

систему: «Надо начинать с экономики. Вот когда люди почувствуют, что жизнь становится лучше, тогда можно постепенно и узду ослабить, дать больше воздуха. Но и здесь нужна мера. Вы, интеллигентская братия, любите пошуметь: давай нам демократию, свободу! Но многого не знаете. Знали бы, сами были бы поаккуратней»²⁶. Шахназаров был категорически не согласен с шефом. Он вспоминал: «В Андропове непостижимым образом уживались два разных человека – русский интеллигент в нормальном значении этого понятия и чиновник, видящий жизненное предназначение в служении партии»²⁷.

В Андропове служение партии и в самом деле всегда брало верх над реформизмом. В 1965–1967 годах он выступал за умеренные экономические реформы в СССР, но в 1968 году поддержал ввод советских войск в Чехословакию, где партийные реформаторы дали волю «социалистической демократии». Между тем события в Чехословакии обернулись стратегическим поражением для андроповской концепции консервативного постепенного обновления партии и страны. Генеральный секретарь Брежнев свернул реформы, и даже само это слово превратилось в табу на пятнадцать лет. КГБ под руководством Андропова вычистил убежденных сторонников реформаторов из партии, а карьеристы и коррупционеры, которых он презирал, заполнили все уголки правящего класса.

Когда Брежнев назначил его своим преемником, Андропов знал, что унаследует огромные проблемы. Советские войска завязли в Афганистане, разрядка с Западом провалилась, а в Белом доме правил Рональд Рейган, считавший Советский Союз «империей зла». В Польше рабочие восстали против резкого повышения цен на продукты, а диссиденты из интеллигенции дали им политические идеи и направление. Так возникло движение «Солидарность». На этот раз Андропов решил, что советские танки не помогут. На «социалистической» Польше висело 27 миллиардов долларов долга западным банкам с высокими процентами. СССР давал полякам дешевую нефть и газ, но не мог выплатить их иностранные долги без большого ущерба для собственных финансов и торгового баланса. В разговоре с коллегой, главой тайной полиции ГДР «Штази» Эрихом Мильке, Андропов пожаловался, что Запад ведет финансовую войну против советского блока. Вашингтон пытался воспрепятствовать строительству нового советского газопровода в Западную Европу, который мог бы стать важным источником валюты для Москвы. Андропов добавил, что американские и западногерманские банки «внезапно перестали выдавать нам кредиты»²⁸. Советский Союз пока был финансово стабилен, но и ему могла угрожать долговая яма, в которой уже очутилась Польша.

Первое, что сделал новый советский лидер после прихода к власти, – начал выводить «ржавчину» в партийно-государственном аппарате. КГБ арестовал нескольких главарей советской теневой экономики, на долю которой, по разным оценкам, приходилось 20–25 процентов ВВП. В московской системе торговли, вершине теневой пирамиды, под суд и в тюрьмы пошли более 15 000 человек, в том числе 1200 чиновников. Несколько человек расстреляли. В некоторых советских республиках к уголовной ответственности привлекли целые коррумпированные кланы. Самым громким стало «хлопковое дело» в Узбекистане, в котором оказалась замешана вся партийная верхушка республики, а убытки советскому бюджету исчислялись десятками миллиардов рублей. Другой мерой, касавшейся всех, стала кампания по укреплению трудовой дисциплины – страх и полицейские методы (включая облавы на «прогульщиков») должны были «встряхнуть» все общество²⁹.

²⁶ Там же. С. 27–30.

²⁷ Там же. С. 23.

²⁸ Записка «Штази» о встрече главы организации Эриха Мильке с председателем КГБ Андроповым, 11 июля 1981 года, перевод. Бернд Шефер, <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115717>.

²⁹ *Riccardo Cucciolla. The Crisis of Soviet Power in Central Asia: The Uzbek 'Cotton Affair' (1975–1991)*, докторская диссертация, IMT School for Advanced Studies, Lucca, 2017.

Но все это было лишь подготовкой к следующему этапу обновления. Андропов поручил Экономическому отделу в аппарате Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза наметить путь к экономическим преобразованиям. Эту задачу он поручил 53-летнему Николаю Рыжкову, в прошлом директору огромного военного предприятия, ставшему во главе Госплана (Государственного планового комитета, определявшего цели и пропорции советской экономики). Рыжков вспоминал указания Андропова так: «Пусть партийный аппарат занимается своими делами, а вы займитесь экономикой»³⁰. Рыжков набрал команду экономистов и социологов, участвовавших в реформах 1960-х годов (некоторые из них будут появляться на страницах этой книги)³¹. «Годы работали они практически в никуда, в пустоту, – вспоминал Рыжков. – Плодили теории ради теорий, и вдруг их нестандартные и “крамольные” мысли понадобились и востребовались, и не где-нибудь, а на самом “верху”»³².

В январе 1983 года на конференции соцстран в Праге Андропов снова встретился с Шахназаровым. Советский лидер сказал бывшему советнику: «Знаешь, мы ведь только начинаем разворачивать реформы, сделать надо очень многое, менять круто, основательно. У тебя всегда были интересные идеи на этот счет. Может быть, напишешь и зайдешь. Поговорим...»³³.

Андропов, как и Дэн Сяопин, китайский лидер того времени, понимал, что модернизация советской экономики потребует участия западных фирм – прихода технологий, ноу-хау и капитала. Но он не знал, как это осуществить. Однажды он спросил Рыжкова про концессии. В 1920-е годы большевистское правительство практиковало совместные предприятия с иностранным капиталом и называло это «концессиями». Так большевики сохраняли над ними контроль и избегали исков за национализированную в 1917 году собственность иностранных компаний. Рыжков ответил, что ничего по этой линии не делается. «А что вы про это знаете?» Рыжков ответил: «Ровно то же, что и все, что в школе проходили». Андропов сказал: «Знания у тебя не очень». Помолчал и добавил: «У меня тоже. Давай, иди и изучи этот вопрос и приходи снова ко мне». Рыжков попросил помощников найти литературу по концессиям 1920-х годов. «Через день нашли в Ленинке [главной библиотеке Москвы] – женщина какая-то защищала по этой теме работу»³⁴.

Андропов ясно видел, что соперничество с Западом и бремя расходов на советскую «империю» на всех континентах шли вразрез с потребностью Советского Союза в обновлении. «Самое сложное в том, что ни мы, ни другие социалистические страны не можем избежать нагрузки военных расходов», – признавался он главе министерства безопасности ГДР Эриху Мильке в 1981 году. Андропов не мог оставить без поддержки зависимые от СССР государства вроде Вьетнама и Кубы и «прогрессивные силы» в Лаосе, Анголе, Эфиопии, Мозамбике и других странах. Без этого груза «мы могли бы справиться со всем остальным за два-три года», говорил Андропов. Кроме того, серьезным препятствием для андроповских реформ оставалась антисоветская политика Рейгана. В марте 1983 года американский президент анонсировал программу «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), призванную защитить США от баллистических советских ракет. Американский военный бюджет при Рейгане стремительно рос, военным и разработчикам новых вооружений ни в чем не было отказа. Американские финансовые ресурсы казались бездонными. Приток капитала из стран НАТО и Японии, а также

³⁰ Интервью Майкла Макфола с Николаем Рыжковым, 25 августа 1992 года. The McFaul Collection, Hoover Institution Library & Archives [далее HIA].

³¹ В группу входили Степан Ситарян, Лев Белоусов, Николай Петраков, Абел Аганбегян, Татьяна Заславская, Георгий Арбагов, Леонид Абалкин и Валентин Павлов.

³² Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М., Новости, 1993. С. 33–38; Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., Книга. Просвещение. Милосердие, 1996. С. 45–46.

³³ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. С. 32–33.

³⁴ В дневнике Андропова зафиксированы его частые встречи с Рыжковым. РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 53–54. Воспоминания Николая Рыжкова в публикации https://lenta.ru/articles/2020/04/23/35/?fbclid=IwAR00Uocg8CZYJyrQgxdnZo8jkbqY_t8dVXEAOX7IVM3JbvyuRXJ3VvHs2NQ (доступ 26 апреля 2020 года).

вложение арабских нефтедолларов в американские ценные бумаги помогали финансировать американский госдолг и бюджет, включая военные расходы. Баланс сил в холодной войне смещался в пользу США³⁵.

Финансы и доходы СССР, напротив, были на пределе возможностей. Но, вопреки традиционным утверждениям западных экспертов, проблема заключалась не в «сокрушительных» расходах на оборону. Советские вооруженные силы, военно-промышленный комплекс (ВПК) и его научно-конструкторские разработки требовали огромных средств, но могли быть и удивительно экономичными. По самым точным из имеющихся оценок, советские оборонные расходы не превышали 15 процентов ВВП. Годы спустя после распада СССР один из ведущих западных экспертов по советской экономике после изучения документов констатировал, что никто в советском руководстве «не считал, что на Советский Союз давит непосильное военное бремя». Он же подтвердил, что с экономической точки зрения «Советский Союз имел явное сравнительное преимущество в военных делах» перед США. Не военные расходы советской сверхдержавы угрожали гибелью ее экономике и государственности³⁶.

Руководство столкнулось с другой проблемой: растущая вовлеченность СССР в мировую экономику все сильнее влияла на финансовые дела страны. Советский внешнеторговый баланс полностью зависел от высоких цен на нефть. Добродушный Брежнев в отличие от Сталина не потрудился накопить стабилизационный фонд, отложить деньги на черный день. На партийном пленуме в ноябре 1982 года Андропов обрушился на бездумно растущий советский импорт зерна, жиров, мяса и других продуктов: «Не хочу никого пугать, но скажу, что за последние годы мы впустую потратили десятки миллиардов золота и рублей». Вместо того чтобы закупать на нефтяные доходы западные технологии, Советский Союз импортировал продовольствие и раздавал нефтяной ресурс сателлитам вместо долларов. Польша хотя бы могла рассчитывать, что Москва в крайнем случае вытащит ее из долговой ямы. Советский Союз, если бы он увяз в долгах, не мог бы рассчитывать ни на кого. Андропов заключил, что американцы ведут против стран советского блока «валютную войну». Он распорядился, чтобы секретные данные о советском импорте и расточительстве брежневского правления стали известны партийным активам ключевых советских учреждений, включая работников пропаганды и телевидения³⁷.

На заседании Политбюро 30 июня 1983 года Андропов вернулся к теме уязвимого положения Советского Союза по отношению к мировым экономическим и финансовым рынкам: «Импорт растет, причем много берем «барахла», а не технологию. Западные страны стремятся взять и берут у нас сырье. Остальная продукция неконкурентоспособна». Глава СССР поручил Госплану и министерствам «подумать, как расширить экспорт машин, конечных продуктов переработки нефти, что для этого нужно сделать». Советский руководитель призвал «с умом тратить деньги» и посетовал на «иждивенчество» советских республик и госпредприятий. «[Они] не считают деньги, не изыскивают дополнительные финансовые ресурсы. Притягивают руку». Андропов предложил сократить импорт продовольствия, а также планировал постепенно урезать финансирование стран Восточной Европы, Монголии и Кубы.

³⁵ Запись встречи министра Мильке с председателем КГБ Андроповым, 11 июля 1981 года, архив «Штази», перевод Бернда Шефера, <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115717>.

³⁶ *Mark Harrison. Secrets, Lies, and Half Truths: The Decision to Disclose Soviet Defense Outlays.* Исследования политической экономики в советских архивах, рабочий документ № 55, сентябрь 2008 года, <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/persa/055.pdf>. / Харрисон сделал выводы на основании информации из документов Виталия Катаева, заместителя главы оборонного отдела в аппарате ЦК КПСС. Оригиналы документов доступны в Архиве Гуверовского института, Стэнфордский университет. Также о советских расходах на оборону см: *Dmitri Steinberg. The Soviet Defence Burden: Estimating Hidden Defence Costs, Europe-Asia Studies 44:2 (1992), pp. 237–263; Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С.* Планирование и финансирование военной промышленности в СССР // Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / под ред. А. В. Минаева. М., Военный парад, 1999. С. 82–129.

³⁷ Выступление Андропова на пленарном заседании ЦК КПСС, 22 ноября 1982 года. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 614. Л. 32, 33, 34, как процитировано в книге *Robert Service. The End of the Cold War, 1985–1991* (London: Macmillan, 2015), pp. 55–56.

«Это никакое не содружество, а вульгарный грабеж», – с чувством сказал он однажды Рыжкову о советском экономическом блоке³⁸.

Подготовка к реформам велась в полной секретности. «Даже заместители председателя Госплана не знали, над чем мы работали, – вспоминал один из членов команды Рыжкова. – Юрий Владимирович [Андропов] считал, что существующая система жесткого планирования себя исчерпала... Чтобы начать глубокие, серьезные перемены в экономике, необходимо продемонстрировать чиновникам, что кооперация с ее относительной экономической свободой более выгодна по сравнению с государственными предприятиями. В подготовленном нами документе открыто не говорилось о том, что нужна частная собственность, но высказывалась идея наряду с государственной собственностью начать развитие кооперативной собственности». Андропов поддержал эти предложения³⁹. Из воспоминаний высокопоставленного чиновника Госбанка: «Мы понимали, что предприятия нуждаются в расширении прав, что нужно усиливать их экономическую ответственность за свою деятельность. Ситуация, когда все решает и за все отвечает центр, многих, в том числе и в высших эшелонах власти, уже не устраивала, это тормозило развитие экономики». Андропов поручил Госбанку перейти от распределения государственных инвестиций к конкуренции. Он инструктировал министра финансов: «Вы должны поставить так работу своего министерства, чтобы все остальные министры на пузе к вам приползали, выпрашивая бюджетные средства финансирования»⁴⁰. В июле 1983 года Совет министров СССР выступил с постановлением, где обозначилась линия на децентрализацию экономики. В январе 1984 года с одобрения Политбюро в ряде отраслей промышленности Украины, Белоруссии и Литвы начался экономический эксперимент. Именно на этой стадии застряли и заглохли предыдущие экономические реформы 1965–1968 годов⁴¹.

Андропов обладал достаточной властью для проведения дальнейших реформ, но времени у него не было. Его здоровье стремительно ухудшалось. В феврале 1983 года полностью отказали почки, и генсеку пришлось перейти на диализ. Последний раз Андропов появился на заседании Политбюро 1 сентября 1983 года. Затем он уехал в Крым на отдых, но там стало еще хуже, и пришлось вернуться в Москву на госпитализацию. Остаток дней он прожил в больничной палате и умер 9 февраля 1984 года от острой почечной недостаточности.

Главным вкладом Андропова в советские реформы стало формирование команды экспертов по экономической реформе в высших структурах власти. Также он привел в Секретариат и Политбюро новых, некоррупцированных и энергичных людей. Им потребовалось еще два года, чтобы запустить начатые Андроповым преобразования. Главным разработчиком экономических реформ был Рыжков. Но ключевым человеком, которому выпало продолжать политику реформатора из КГБ, стал не он, а Горбачев.

ЛЕНИНЕЦ У ВЛАСТИ

«Мы ему всем обязаны», – говорила об Андропове Раиса Горбачева. Ее муж Михаил Горбачев впервые встретился с главой КГБ в апреле 1969 года. Андропов, уже страдающий от проблем с почками, приехал в Kisловодск, знаменитую советскую здравницу в Ставропольском крае у подножия Кавказа. Горбачев принимал высокопоставленного гостя по поручению регионального партийного руководства. С того времени они начали видеться каждое лето. В 1978 году, также в Kisловодске, Андропов организовал встречу, чтобы представить Горбачева

³⁸ Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., Совет ветеранов книгоиздания, 1995. С. 24–26; Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 50.

³⁹ Ситарян С. А. Уроки будущего. М., Экономическая газета, 2010. С. 71–73.

⁴⁰ Зотов М. С. Я – банкир. От Сталина до Путина. М., Русаки, 2004. С. 281–282.

⁴¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 48.

Брежневу и его окружению. В сентябре того же года Горбачев стал первым человеком послевоенного поколения, которого выдвинули в члены Политбюро.

Андропов увидел в Горбачеве не просто единомышленника, а «себя» на четверть века младше и с университетским образованием. Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в русско-украинской семье в селе Привольное на Ставрополье: отец и мать занимались земледелием. Название села говорило само за себя – вокруг простирался благодатный край с плодородной почвой, на горизонте виднелись вершины Кавказа. Как и Андропов, уехавший после революции в Моздок, Горбачев вырос в простой обстановке крестьянской жизни, работал комбайнером в полях, распевал украинские казацкие песни. Но судьба подарила ему шанс приобщиться к другому миру – высшего образования, сложных идей и высокой культуры. Принятый в Московский университет в 1950 году в возрасте девятнадцати лет без экзаменов – в награду за рекордный урожай – молодой Горбачев решил изучать теорию государства и права. На танцах в общежитии МГУ на Стромынке он нашел свою вторую половину – Раису Титаренко, украинку из семьи железнодорожных служащих с Алтая, студентку философского факультета. Они поженились в Москве в 1953 году. Горбачев вступил в партию еще в студенчестве и работал в комсомоле, официальной молодежной организации. Он рассчитывал, что его оставят в Москве работать в прокуратуре или КГБ. Однако судьба решила иначе – Михаила наряду с другими молодыми юристами «распределяли» обратно на периферию. Горбачев отверг несколько незавидных предложений поехать в Сибирь и на Дальний Восток. В 1955 году молодой паре скрепя сердце пришлось вернуться на родину Горбачева в Ставрополье. Все их планы будущей жизни рухнули.

Примерно в это время Раисе приснился кошмарный сон, о котором она рассказала мужу. Горбачев вспоминал об этом сне так: «Будто мы – она и я – на дне глубокого, темного колодца, и только где-то там, высоко наверху, пробивается свет. Мы карабкаемся по срубу, помогая друг другу. Руки поранены, кровоточат. Невыносимая боль. Раиса срывается вниз, но я подхватываю ее, и мы снова медленно поднимаемся вверх. Наконец, совершенно обессилив, выбираемся из этой черной дыры. Перед нами прямая, чистая, светлая окаймленная лесом дорога. Впереди на линии горизонта – огромное, яркое солнце, и дорога как будто вливается в него, растворяется в нем. Мы идем навстречу солнцу. И вдруг... С обеих сторон дороги перед нами стали падать черные страшные тени. Что это? В ответ лес гудит: “враги, враги, враги”. Сердце сжимается... Взявшись за руки, мы продолжаем идти по дороге к горизонту, к солнцу...» Сон походил на голливудскую романтическую драму. Но Михаил и Раиса истолковали его как знак судьбы. Их изгнали из культурного рая Москвы в ставропольскую «дыру». Но Горбачевы решили выбраться из этого «колодца», развиваться культурно и интеллектуально. Главным двигателем этих усилий стала Раиса. Они вместе читали и обсуждали книги по истории, социологии и философии, а также толстые литературные журналы. Когда им удавалось попасть в Москву, они при любой возможности шли в театры, музеи, и картинные галереи. Горбачев интересовался философией и политической теорией и при этом остался убежденным марксистом-ленинцем в духе студенческих дискуссий на Стромынке в начале 1950-х годов. Все это сделало его исключительно интересным собеседником для Андропова⁴².

Андропов искал партийцев, желающих перемен и не замешанных в коррупции. Одним из них стал Рыжков, другим – Горбачев. В отличие от Андропова коммунистические убеждения Горбачева не были источены годами сталинского террора, предательств и кровавых расправ. В провинциальной советской номенклатуре, где многие мужчины пили, резались в домино, матерились, били жен и заводили секретарш-любовниц, Горбачев был образцом добродетели.

⁴² Лучший источник о биографии Горбачева – *William Taubman. Gorbachev: His Life and Times*. New York: Simon & Schuster, 2017, p. 76, 134. Воспоминания Горбачева о сне воспроизведены в: <https://dzen.ru/media/tass/son-jeny-kotoryi-gorbachev-vspominaet-do-sih-por-5bd9ab255a16d500ab505b7b>.

Его сияющие «алмазные» глаза, бесспорное обаяние, жизнерадостный оптимизм и неиссякающая уверенность в своих силах не могли не нравиться Андропову, приезжавшему в Ставрополье из пораженной цинизмом, безверием и безразличием Москвы.

Последним препятствием на пути Горбачева к власти была старая гвардия в Политбюро. Вопреки пожеланиям Андропова, ее члены выбрали следующим лидером безвредного и глубоко больного Константина Черненко. Однако короткое пребывание Черненко на посту (1984–1985 гг.) только усилило позиции Горбачева. После десяти лет правления геронтократов все желали более молодого и энергичного лидера. Черненко скончался 10 марта 1985 года. Горбачева активно лоббировали новые люди, приведенные Андроповым в Политбюро и Секретариат. Помимо Рыжкова в эту группу входили Егор Лигачев, который заведовал партийными кадрами в Секретариате, глава КГБ Виктор Чебриков и член Политбюро от РСФСР Виталий Воротников. Андрей Громыко, последняя ключевая фигура из старой гвардии и министр иностранных дел, учел коллективные настроения и согласился выдвинуть кандидатуру Горбачева на пост генерального секретаря ЦК КПСС. Старые брежневские кадры, включая партийных боссов Москвы и Ленинграда, не посмели перечить. Впервые после смерти Андропова Пленум ЦК, решающий орган партии по уставу, проголосовал за рекомендованного членами Политбюро Горбачева не с усталым безразличием, а с явным энтузиазмом.

Вечером накануне своего выдвижения Михаил и Раиса пошли на обычную прогулку перед сном. Горбачев вспоминал, что жена поделилась с ним опасениями: «А нужно ли нам это?» Сомнения были не случайны: на Горбачева ложилась колоссальная ответственность за всю страну, а между тем он никогда прежде не боролся за власть и не применял силу для достижения целей и устранения врагов. Продолжать в том же духе, приняв бразды правления верховной советской власти, представлялось едва ли возможным. Горбачев напомнил Раисе, что, когда Андропов и Брежнев ввели его в Политбюро, он верил, что сможет помочь изменить ситуацию в стране к лучшему. Но на деле ничего не добился: «Поэтому, если я действительно хочу что-то изменить, надо принимать эту должность... Так дальше жить нельзя»⁴³.

Спустя годы, несмотря на все исследования и источники, многие отказываются признавать искренность этих слов. «О действиях Горбачева известно больше, чем о его мотивах, и до сих пор нет в полной мере убедительного объяснения его политической эволюции с 1985 по 1989 год и далее», – написал один исследователь⁴⁴. Уильям Таубман, американский автор лучшей биографии Горбачева, начинает рассказ о нем с фразы: «Горбачева трудно понять». Это фразу ему повторял сам Горбачев. Таубман считает Горбачева уникальным и трагическим героем, который пытался изменить свою страну, заложил основы демократии, но предсказуемо потерпел неудачу в построении нового государства, общества и экономики. Другой биограф Горбачева, русский автор, называет его «жертвой беспощадного каприза истории... Одна из самых трагических фигур в российской истории»⁴⁵.

Конечно, в 1985 году Горбачев не думал, что войдет в историю как лидер, который потерял страну и разрушил государство при попытке их обновить. Свою программу действий он назвал словом «перестройка». Между тем после смерти Андропова Горбачев выбрал себе в наставники революционера, который разрушил старую Россию. Это был Владимир Ленин, основатель большевистской диктатуры и главный архитектор Советского Союза. В течение шести лет у власти Горбачев постоянно упоминал Ленина, причем не только в публичных выступлениях и на заседаниях Политбюро, но и в частных разговорах со своими ближайшими советниками. Горбачев не цитировал Ленина, чтобы утвердить свою легитимность или

⁴³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 1. М., Новости, 1995. С. 265; *Raisa Gorbacheva*. I Hope (New York: HarperCollins, 1991), pp. 4–5; *Taubman*, Gorbachev, p. 209.

⁴⁴ A. Ross Johnson. The Cold War and East-Central Europe, 1945–1989, *Journal of Cold War Studies* 19:2 (Spring 2017), p. 203.

⁴⁵ *Taubman*, Gorbachev, p. 1, 5, 693; Андреев Н. А. Жизнь Горбачева. М., Доброе дело, 2016. С. 691.

заткнуть за пояс соперников, как делали предшественники. Он отождествлял себя с Лениным и был последним верующим ленинцем⁴⁶.

Со времен своей учебы в Московском университете в 1950-х годах Горбачев привык видеть вождя большевиков в романтическом свете. «Дорогой Ильич» для мыслящих студентов того времени был антиподом тирании и несправедливости. В спорах об истории и ошибках многие полагали, что Ильич был за партийную демократию, неохотно, по воле обстоятельств прибегал к террору против «классовых врагов» и трагически рано умер, не успев отстранить от власти Сталина. Легенда о «добром Ленине» потеряла силу в столичной советской интеллигенции после 1968 года, но продолжала жить в российской провинции и среди реформаторов военного поколения в центральном партийном аппарате⁴⁷. Ленинский миф стал для Горбачева частью его идентичности. Он идеализировал Ленина и винил Сталина за «искажение социалистических идеалов». Горбачев считал Ленина политическим гением, чей авторитет основывался на его теоретическом провидении, а не на насилии, терроре и страхе. Похожих взглядов придерживался и помощник Горбачева Анатолий Черняев. В своих дневниках он писал, что Горбачев «не играет под Ленина – он такой от природы». Другой соратник вспоминал, что сборники трудов Ленина лежали открытыми на столе у советского лидера, и тот «часто брал какой-то из них и читал вслух, сравнивая с текущей ситуацией и превознося прозорливость Ленина». Горбачевский биограф пишет, что почитание Ленина помогло Горбачеву с удивительной легкостью войти в роль лидера сверхдержавы. Словно революционный пророк, он выполнял миссию не только по изменению Советского Союза, но и мира. По мере того как менялся Горбачев, менялся и «его Ленин»⁴⁸.

Советский лидер нашел единомышленников, разделявших его пристрастие к ленинизму и его переосмыслению. Одним из них был Александр Николаевич Яковлев, возглавлявший в 1960-е годы отдел агитации и пропаганды ЦК, но снятый с этой должности Брежневым и «сосланный» в Канаду на должность посла. Горбачев встретился с ним во время поездки в Оттаву в 1983 году. На экскурсии по ухоженным канадским фермам советские функционеры, оба выросшие в деревне, стали обсуждать беды советского сельского хозяйства СССР. В поисках ответа на вопрос, что пошло не так, они углубились в марксистско-ленинскую теорию и сошлись во мнении, что «все» в Советском Союзе нуждается в революционном импульсе. Горбачеву удалось убедить Андропова, не доверявшего Яковлеву, вернуть его в Москву и назначить директором ИМЭМО, ведущего академического центра по анализу международной политики и экономики. После смерти Андропова Яковлев вошел в узкий круг людей, где Горбачев обсуждал идеи давно назревших преобразований. «Мы проспали полтора десятилетия. Страна слабеет, и к 2000 году мы станем второразрядной державой», – заявлял Яковлев на закрытом совещании партийных пропагандистов в августе 1985 года⁴⁹.

В декабре 1985 года Яковлев направил Горбачеву краткий обзор будущей политической реформы. Задача лидера, писал Яковлев, – мобилизовать неудовлетворенное и разочарованное советское общество на новой основе – поддержки коренных преобразований. Основной упор делался на политические перемены. Яковлев предлагал отстранить партию от управления экономикой. «Социалистическая демократия», децентрализация и гласность (свободное

⁴⁶ Stephen E. Hanson. Gorbachev: The Last True Leninist Believer? в книге Daniel Chirot (ed.), *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: The Revolutions of 1989* (Seattle, WA: University of Washington Press, 1991).

⁴⁷ Подробнее об этом: Ludmilla Alexeyeva and Paul Goldberg. *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era* (Boston, MA: Little, Brown, 1990); Vladislav Zubok. *Zhivago's Children; Benjamin Tromly. Making the Soviet Intelligentsia: University and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014); Kathleen S. Smith. *Moscow 1956: The Silenced Spring* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017).

⁴⁸ Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох 1972–1991 годов. М., РОССПЭН, 2008, 23 апреля 1989 года. С. 790; Valery Boldin. *Ten Years that Shook the World* (New York: Basic Books, 1994), p. 95; Taubman. Gorbachev, pp. 215–216.

⁴⁹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 2. С. 237–238; Выступление А. Н. Яковлева, 29 августа 1985 г. ГА РФ. Ф. 100063. ОП. 1, Д. 116, <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023305>.

обсуждение накопившихся проблем) должны были освободить СССР от «диктатуры бюрократии». Вершиной политических реформ Яковлев видел создание демократической системы с двумя партиями – социалистической и народно-демократической – и регулярными выборами. Верховная «партийная и государственная власть» в стране должна принадлежать Президенту СССР. Многие тезисы записки были «подкреплены» цитатами Ленина. Конечной целью, отмечал Яковлев, было построение «практического социализма», что означало «превращение каждого человека в действительного хозяина страны»⁵⁰. В записке отвергалась логика консервативного реформизма и приводились аргументы, которые не хотел слышать Андропов в разговоре с Шахназаровым.

Горбачев прочел записку Яковлева; некоторые ее идеи нашли отражение в его докладе на Съезде КПСС в феврале 1986 года, первом после смерти Брежнева. Перед выступлением советский лидер вместе с Яковлевым и несколькими помощниками провели недели за обсуждением, редактированием и переработкой текста доклада. Их рабочий день длился десять-двенадцать часов: по выносливости с Горбачевым мало кто мог сравниться. Выступление выпало на весьма символичную дату – тридцать лет назад день в день 25 февраля Хрущев выступил на закрытом заседании партийного съезда с осуждением преступлений Сталина и призвал коммунистов «вернуться к Ленину». Горбачев начал зачитывать обращение в 10 часов утра и с перерывами на кофе и обед проговорил пять с половиной часов. Он говорил о «застойных явлениях» в период правления Брежнева. Документ содержал ключевые слова из записки Яковлева: «демократизация», «социалистическое самоуправление народа» и «гласность». Горбачев также заявил о необходимости «перестройки» и о «новом мышлении», направленном на пересмотр идеологического догматизма. Кульминацией речи стала завершающая фраза: «Так, и только так мы сможем выполнить завет великого Ленина – с энергией, единством воли подниматься выше, идти вперед. Иной судьбы нам историей не дано. Но какая, товарищи, это прекрасная судьба!» Пять тысяч партийных руководителей и кадровых работников стоя аплодировали генсеку. Невозможно было определить, сколько из них делали это искренне. Сам Горбачев бесспорно говорил от чистого сердца⁵¹.

Несмотря на всю ленинскую риторику, в первые два года у власти Горбачев не мог определиться со стратегией реформ. Поклонник Ленина, он искал ключевые рычаги и пружины, которые помогли бы дать советскому обществу и экономике новый динамизм. Видимо, он еще не готов был расстаться с консервативными напутствиями Андропова: прежде чем начинать крутые политические изменения, советский народ должен почувствовать ощутимые улучшения в экономике. Поэтому вскоре после прихода к власти Горбачев составил список неотложных экономических и социальных проблем, которые хотел решить: «1) Качество; 2) Бой пьянству; 3) Малообеспеченная часть населения; 4) Земля под сады и огороды; 5) Медицина»⁵². В список не вошли острые вопросы, поднятые Андроповым и от которых зависела макроэкономическая стабильность страны – необходимость сокращения импорта продовольствия, восстановление торгового баланса, борьба с теневой экономикой и дисциплина труда. В записях Горбачева отсутствовал диагноз экономических и финансовых бед, терзающих Советский Союз.

Обсуждения в Политбюро в первые два года правления Горбачева – это бесконечные поиски волшебной палочки, которой можно подстегнуть советскую экономику. Все соглашались, что экономический рост жизненно важен. Официальным лозунгом было «ускорение». Но как его добиться? Странно, но Горбачев даже не включил Рыжкова и его экономистов в узкий

⁵⁰ Там же; Записка Яковлева Горбачеву, «Императив политического развития», конец декабря 1985 года, ГА РФ, Ф. 10063. Оп. 1. Д. 380 <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023329>.

⁵¹ *Taubman, Gorbachev*, pp. 230–231. XXXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., Издательство политической литературы, 1986. С. 121.

⁵² *Горбачев М. С. Жизнь и реформы*. Т. 1. С. 276.

круг своих советников. Николай Тихонов, старый приятель Брежнева, по-прежнему возглавлял Совет министров, Рыжков занял этот пост только в конце сентября 1985 года.

Первой крутой переменной в жизни советских людей при Горбачеве стала «борьба с пьянством». Автором идеи был Егор Лигачев, еще один протеже Андропова, который руководил Секретариатом и вел заседания Политбюро в отсутствие Горбачева. Генсек поддержал инициативу. Оба ненавидели русскую привычку к пьянству. Беда в том, что налог на алкоголь обеспечивал треть поступлений в бюджет страны. Андропов признавал проблему, но решил бороться с ней не запретами на алкоголь, а штрафами и наказаниями для пьяниц. Министр финансов тщетно доказывал членам Политбюро, что доходы от водки невозможно заменить на доходы за счет продажи других товаров, особенно в деревнях, селах, небольших городах. В мае 1985 года жесткая политика по сокращению потребления спиртного вступила в силу. Это был третий в истории России запрет на алкоголь. До этого подобная мера вводилась в 1914 году, когда началась Первая мировая война, и в 1941-м, когда Германия напала на СССР. Накачанные и запуганные Лигачевым партийные работники явно перестарались – купленные в Чехословакии новые пивоваренные заводы ржавели под открытым небом, тысячи гектаров селекционных виноградников в Крыму смели бульдозерами, производители марочных вин потеряли работу, а один из них даже покончил с собой. Потребление водки, вина и пива упало. Для советской демографии последствия были благоприятны: сотни тысяч советских людей прожили чуть дольше, а число детей с врожденными дефектами несколько сократилось. Но удар по бюджету был немедленным, сильным и длительным. Акцизные доходы от продажи водки государством уменьшились с 54 миллиардов рублей в 1984 году до 11 миллиардов в 1986-м⁵³. Еще одной жертвой антиалкогольной кампании стала поддержка Горбачева в народе – его авторитет никогда не оправился от этого первого удара⁵⁴.

Еще одной неудачной инициативой первых двух лет горбачевского правления была борьба за повышение качества советских товаров. Десятилетиями госпредприятия в СССР выпускали некачественную, вышедшую из моды одежду, плохую обувь и скоропортящиеся телевизоры. Люди отказывались их покупать и гонялись за качественным импортом, а государственные склады ломились от нераспроданных товаров. Продвинутые советские экономисты винили во всем плохое планирование и настаивали, чтобы продукция предприятий измерялась тоннами и количеством, а не показателями продаж. Но в горбачевском Политбюро этих экономистов не послушали. В мае 1986 года Горбачев и Рыжков подписали указ, согласно которому госпредприятия становились подотчетными Государственной инспекции (госприемке), специальным командам специалистов и квалифицированных рабочих. Нетрудно увидеть в этой реформе результат чтения работ Ленина и возвращение к опыту, который не оправдал себя еще в первые годы большевистской диктатуры над экономикой. Незадолго до смерти вождь большевиков писал о кардинальной реформе «Рабоче-крестьянской инспекции» и признавал, что она не может справиться с госбюрократией. Но Горбачев, Рыжков и их советники почему-то решили, что новый «социалистический» механизм заставит «социалистическое производство» работать лучше. В январе 1987 года 70 000 инспекторов приступили к работе⁵⁵. И тут же наступило обрушение всех цепочек поставок – большую часть продукции тысяч госпредприятий стоимостью в 69 миллиардов рублей забраковали из-за низкого качества. Даже лучшие советские заводы, построенные западными компаниями в 1960-х годах, оказались поставщиками брака. В отсутствии комплектующих и деталей многие сборочные линии остановились. Это был еще один пример того, как резкая попытка исправить неудовлетворительное состоя-

⁵³ Черняев А. С., Вебер А. Б., Медведев В. А. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). / сост. В. Медведев. М., Альпина, 2006. С. 103.

⁵⁴ Андреев Н. А. Жизнь Горбачева. С. 286–289.

⁵⁵ Michael Ellman and Vladimir Kontorovich. The Destruction of the Soviet Economic System: An Insider's History (London: Routledge, 1998), p. 122.

ние дел может привести к неминуемому экономическому коллапсу. Никто не знал, что делать с предприятиями-бракоделами и их работниками. Первые не могли обанкротиться, а вторых нельзя было уволить. После нескольких месяцев хаоса экономика вернулась в прежний режим. Ленинские идеи рабочего контроля, которыми вдохновлялся Горбачев, провалились.

Сам Горбачев в первые годы у власти считал приоритетом «ускорение научно-технического прогресса». В 1982 году Андропов поручил Горбачеву подготовить Пленум партии по этой теме. Таким образом он хотел подготовить Горбачева к проблемам, с которыми тот должен был столкнуться в скором будущем. В Политбюро Михаил Сергеевич считался «специалистом по сельскому хозяйству» из хлеботорного Ставропольского края и не имел ни малейшего опыта работы в машиностроительной и, что еще важнее, в военной промышленности. Горбачев отнесся к поручению Андропова с энтузиазмом новичка, а с приходом к власти продолжал считать это направление первостепенным. Научно-технический прогресс, по мнению последнего ленинца, мог вытащить советскую экономику из застойного болота. Так думал не он один. Это была технократическая мечта его поколения. Умные машины, управляемые образованными и непьющими идеалистами-энтузиастами, помогли бы преодолеть историческую отсталость Советского Союза. В феврале 1986 года съезд партии одобрил предложение Горбачева инвестировать 200 миллиардов рублей в следующую пятилетку на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и переоснащение машиностроения передовой техникой.

Ожидалось, что модернизированные предприятия начнут выпускать конкурентоспособные товары, отвечающие нуждам потребителей. Такое делалось и в Советском Союзе в прошлом, в 1930-х или 1960-х годах, когда западные фирмы строили «под ключ» новые заводы. Новым предприятиям требовались по-новому подготовленные инженеры и работники, которым волей-неволей приходилось перенимать современный зарубежный опыт и стандарты. В отсутствие конкуренции и других движущих сил рынка только так можно было совершить рывок, оставить позади устаревшие производственные процессы и консервативные навыки. Но горбачевский «научно-технический прогресс» пошел иначе – огромные инвестиции ушли в переоборудование созданных ранее действующих госпредприятий. Это привело к масштабному провалу инициативы. Руководство и рабочие на старых заводах противились нововведениям, не хотели менять старый уклад. Большая часть дорогостоящего западного оборудования не была установлена и ржавела на складах или под открытым небом⁵⁶.

Никто не мог объяснить, откуда возьмутся миллиарды для новых инвестиций. Дорогостоящая инициатива Горбачева не сопровождалась никакими мерами по сокращению вложений и расходов СССР на других направлениях. Между тем происходящее в советской торговле и финансах начало подтверждать опасения Андропова, высказанные в начале 1980-х годов. Нефтедобыча в СССР в 1980–1984 годах слегка снизилась, но при Горбачеве стала расти. Однако мировые цены в 1986 году рухнули с 27 до 10 долларов за баррель. В результате советская экономика не досчиталась 13 миллиардов долларов экспортных доходов. Впервые за десятилетия СССР завершил 1986 год с дефицитом торгового баланса в 14 миллиардов долларов. Советский долг западным банкам в твердой валюте вырос с 27,2 миллиардов долларов в 1985 году до 39,4 миллиардов в 1986-м, что превышало задолженность Польши в 1981 году. Это было только начало советских финансовых проблем при Горбачеве⁵⁷.

⁵⁶ Воронцов В. И. А было это так... С. 83–84. Об успешном примере строительства нового машиностроительного предприятия по западным образцам в конце 1960-х годов см: Журавлев С. В., Зезина М. Р., Пихоя Р. Г., Соколов А. К. АВТОВАЗ между прошлым и будущим. История Волжского автомобильного завода 1966–2005 гг. М., РАГС, 2006. Гл. 1; Valentina Fava. Between Business Interests and Ideological Marketing: The USSR and the Cold War in Fiat Corporate Strategy, 1957–1972, *Journal of Cold War Studies* 20:4 (Fall 2018), pp. 26–64.

⁵⁷ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., РАГС, 1998. С. 508–509.

Какими бы ни были расчеты Горбачева, Рыжкова и советских экономистов, авария на Чернобыльской атомной станции их опрокинула. Взрыв 26 апреля 1986 одного из четырех реакторов АЭС на Украине, к северу от Киева, застал врасплох советских техников, ученых и всю государственную систему. Бегство сотен тысяч людей из Киева и массовая паника в других областях страны напоминали сцены Второй мировой войны. В первый месяц после аварии военные, инженеры, врачи, шахтеры и ученые рисковали жизнью в беспрецедентной операции по ликвидации источника радиации. Было эвакуировано 100 000 человек из ближайшего города Припять, создан 30-километровый периметр вокруг станции, снят слой зараженной почвы, обеспечена защита от радиации рек, организован уход за сотнями тысяч детей, снабжение необходимыми медикаментами и т. д. Только в первые 30 дней катастрофа на Чернобыльской АЭС стоила советскому бюджету 3 миллиарда рублей. Оценивая ущерб в начале 1989 года, Рыжков назвал цифру примерно в 8 миллиардов рублей. «Чернобыль с размаху ударил по только-только оживающей экономике, только-только отпущенной хоть на малую волю...», — вспоминал он⁵⁸.

Раиса Горбачева, атеистка, но женщина суеверная, считала Чернобыль очень дурным предзнаменованием. То же думали и миллионы советских людей. Авторитет Горбачева сильно пострадал. Говорили, что это «меченый» лидер (имелось в виду родимое пятно на лбу) навлек на страну несчастье. Если отбросить эти глупости в сторону, то Горбачев подорвал свою репутацию тем, что скрывал масштабы катастрофы до 14 мая, пока наконец не выступил с телеобращением к потрясенной стране. На протяжении всего кризиса главным организатором ликвидации последствий катастрофы был Рыжков. Глава Совета Министров СССР вылетел в Киев, а затем в Чернобыль и лично осмотрел место катастрофы. Именно он возглавил и координировал масштабные усилия по укрощению ядерного монстра. Горбачев побывал в Чернобыле вместе с Раисой только в феврале 1989 года, когда реактор уже накрыли бетонным саркофагом⁵⁹.

После первой реакции растерянности Горбачев обрушился на советскую атомную промышленность, ища в ней козла отпущения. Основными виновными оказались Анатолий Александров и Ефим Славский, руководители советского атомного комплекса, которым в 1986 году уже шел девятый десяток. Эти люди обладали громадным авторитетом в советском оборонном комплексе, считались выдающимися создателями советской ядерной сверхдержавы. По мысли Горбачева, однако, они воплощали в себе худшие качества элиты брежневских времен. В атомной промышленности, утверждал он, «от ЦК все было засекречено... Во всей системе царил дух угодничества, подхалимажа, групповщины, гонения на инакомыслящих, показуха, личные связи и разные кланы вокруг разных руководителей. Этому всему мы кладем конец»⁶⁰. Оценка несправедливая и ошибочная — советская ядерная физика и атомная промышленность одни из немногих в СССР могли похвастаться достижениями мирового уровня.

Такая реакция на Чернобыль, типичная для Горбачева, в последующем повторялась. Советский лидер, несомненно, был зол, что его начинания подкосила страшная катастрофа, но при этом действовал по-ленински — из кризисной ситуации он делал выводы, что вся старая система заражена и глубоко больна. Кризис требовал новой революции. Главный посыл Горбачева — Советский Союз стоит на краю, предыдущие пятнадцать лет государство и народ жили не по средствам и погрязли в безответственности и расхлябанности. Либо партия быстро вытащит их из этой трясины, либо вся страна уйдет в «болото» со смертельными для нее последстви-

⁵⁸ Горбачев в Политбюро, записи Чернышева, примерно конец мая — начало июня 1986 года (не публиковалось); В Политбюро ЦК КПСС... 3 июля 1986 года и 16 февраля 1989 года. С. 64–65, 445; *Рыжков Н. И.* Перестройка: история предательств. С. 145, 150; *Serhii Plokhyy.* Chernobyl: The History of a Nuclear Catastrophe (New York: Basic Books, 2018); *Taubman, Gorbachev*, p. 241.

⁵⁹ *Bill Keller.* Gorbachev, at Chernobyl, Urges Environment Plan, The New York Times, 24 February 1989. <https://www.nytimes.com/1989/02/24/world/gorbachev-at-chernobyl-urges-environment-plan.html>.

⁶⁰ Протокол Политбюро от 3 июля 1986 г. В Политбюро ЦК КПСС. С. 65.

ями. В сентябре, говоря своим помощникам о героических усилиях десятков тысяч военных и гражданских ликвидаторов чернобыльской аварии, Горбачев заявил: «Русскому человеку нужно создать безвыходную ситуацию, чтобы он все послал к... и сделал как нужно. Ему каждый день по Чернобылю нужно, чтобы зашевелился»⁶¹.

Биограф Горбачева пишет: на протяжении 1986 года генсек убеждал себя и свое кремлевское окружение в том, что их первоначальная стратегия, то есть ее отсутствие, не сработала⁶². Однако в риторике Горбачева улавливается другое. Вместо анализа неудач советский лидер требовал от коллег в Политбюро и правительстве отбросить осторожность и с головой окунуться в бурные воды коренных реформ без руля и ветрил. В конце концов, утверждал он, так поступил Ленин, и в этом сила революционного процесса. Громадные издержки и потери – плата за движение вперед. «Главное – не отступить, – заявил Горбачев 30 октября 1986 года, – как бы тяжело, трудно, болезненно это ни было... другого пути нет»⁶³.

В 1986 году Горбачев пришел к выводу, что партийный аппарат малоэффективен в качестве главного инструмента по выводу СССР из трясины застоя. Вслед за Лениным, Троцким и бесчисленными партийными реформаторами Горбачев стал называть «бюрократизацию» партийного аппарата на всех уровнях главным препятствием для своей революции. В 1960-х годах Шахназаров говорил то же Андропову. Об этом твердил и Яковлев. Горбачев подхватил еще один ново-ленинский лозунг: «Чиновничество ничего не может... Если мы действительно хотим развернуть демократический процесс, Советы – самое главное звено»⁶⁴. В сентябре 1986 года Горбачев сказал на заседании Политбюро: «Читаешь Ленина и видишь: когда вводился НЭП, сколько сил он тратил, чтобы разъяснить. И это понятно. От этого зависело будущее страны, социализма. Будет у нас демократия, народ все сделает. Один инвалид войны пишет: после Ленина вы первый призвали к демократии». Горбачев намекал, что народ поддерживал реформы больше, чем партийные аппаратчики. Глава КГБ Виктор Чебриков возразил: «Готов поклясться партбилетом, что в КГБ нет оппозиции и сомнений в отношении новой политики»⁶⁵. Партийный и чиновничий аппарат не разделял революционного настроения своего лидера, но сохранял ему верность и в целом был готов последовать за ним в неизведанное.

РОКОВЫЕ РЕФОРМЫ

В начале 1987 года Горбачев настоял, чтобы Рыжков и его экономисты разработали комплексную реформу советской экономики. Суть ее сводилась к двум вещам. Во-первых, вместо центральных ведомств, с их иерархичностью, консервативностью и косностью, конкретные экономические решения предполагалось передать «вниз» – государственным предприятиям и трудовым коллективам. Во-вторых, предстояло превратить партию в двигатель революционных перемен. После обсуждения Политбюро приняло предложения генсека. Не возражали даже такие непреклонные ветераны, как Андрей Громыко.

Ключевой реформой стал Закон о социалистических предприятиях. Документ был продуктом нового курса – совместить «социализм» с рынком с помощью государственного регулирования⁶⁶. Рыжков и его команда вдохновлялись экономическими дискуссиями 1960-х годов и

⁶¹ Запись Черняева в личном архиве автора; последнее замечание отсутствует в опубликованной версии записей В Политбюро ЦК КПСС...

⁶² *Taubman. Gorbachev*, p. 242.

⁶³ *Воротников В. И.* А было это так... С. 118, 132.

⁶⁴ Записи Черняева. В Политбюро ЦК КПСС, 20 июня 1986 г. Личный фонд Черняева, в архиве St Antony's College, Oxford.

⁶⁵ Там же. 25 сентября 1986 г.

⁶⁶ *Ellman and Vladimir Kontorovich. The Destruction of the Soviet Economic System*, p. 142, 144. Среди фанатичных приверженцев были экономисты Лариса Пияшева и ее муж Борис Пинскер; см. *Попкова Л.* [псевдоним Пияшевой]. Где пышнее пироги?». Новый мир. 1987. № 5. С. 239–241.

сформулировали политику «трех “С”»: самокупаемость, самофинансирование и самоуправление. На практике это значило, что государство передавало право владения (но не право собственности!) предприятием его руководству и трудовому коллективу, которые теперь сами отвечали за активы, производство и связи. Они могли брать кредиты в государственных банках и решать, как потратить деньги. В соответствии с договором и центральным планом экономического развития предприятия были обязаны поставлять государству определенное количество продукции и товаров. Сверх этого «госзаказа» можно было работать на прибыль, часть отдавать в госбюджет, а часть оставлять себе. Новый закон обязывал региональные и местные партийные власти не вмешиваться в экономические отношения между предприятиями и государством. Рыжков продвигал закон с энтузиазмом верующего. Он и другие «красные директора» громадных промышленных предприятий уже давно мечтали избавиться от диктата партийного аппарата⁶⁷.

В январе 1987 года Рыжков выступил в Политбюро с докладом о первом проекте Закона. На заседании Громыко поднял главный вопрос – о собственности: «В докладе поставлен знак равенства между коллективом и хозяином предприятия. Что ж, значит, фабрики, заводы – собственность коллектива? Перебор, я считаю. Вопрос о собственности решен в октябре 1917 года». Горбачев тоже казался озадаченным. «Есть еще в тексте сопливость, понятийная запутанность, но основа хорошая», – отметил он и тут же добавил: – Нам нельзя ошибаться, товарищи»⁶⁸. Проект отправили на доработку Совету министров. Чтобы избежать разногласий, слово «социалистические» из названия исключили, заменив на «государственные предприятия». Коллективы получили право владения прибылью от огромных экономических активов, но при этом их обязанности перед государством как собственником остались юридически неопределенными, а прежние механизмы контроля государства над ними разрушались.

Обойдя ключевой вопрос, Горбачев и Рыжков сосредоточились на том, чтобы покончить со старой «командно-административной системой», при которой все диктовала партия, а Госплан подсчитывал затраты и выгоды. Идея состояла в создании еще невиданной в истории «экономики демократического социализма». Согласно неоленинским идеям Горбачева, контроль над средствами производства должен мотивировать трудящихся и сделать их ответственными за свою продукцию. Но хватит ли этого, чтобы вытащить советский народ из болота коррупции и безразличия к результатам и качеству труда? Равнодушие и скепсис людей беспокоили Горбачева. Он не мог понять, почему в тех секторах советской экономики, где экспериментально вводились самофинансирование и самоуправление, производство не росло, а падало. Советский лидер спорил сам с собой, как бы отвечая невидимым критикам: «Нам с Запада говорят: “В обществе, лишенном страха, никакую реформу вы не проведете”. Ведь у людей нет никакого интереса работать лучше и страха божьего нет. Кое у кого есть амбиции, а у большинства их нет». Он также отмечал, что большинство советских людей привыкли, что государство обеспечивает их минимальные потребности. «В общем, жить можно, можно жить, даже совсем не работая. Это серьезная проблема», – заключал Горбачев⁶⁹. Другие члены Политбюро не знали, что с этим делать. «Плаваем мы все в экономических делах. Госзаказ, контрольные цифры... Науки не хватает», – констатировал Лигачев. Прочитав еще нескольких проектов закона, Горбачев сознался: «Сам до конца не понимаю»⁷⁰.

Тем не менее под давлением Горбачева Политбюро одобрило закон. Советский лидер был настроен по-революционному. В мае 1987 года, когда в Политбюро бились над деталями будущей новой экономической системы, Горбачев вдохновенно вещал: «В деле управления мы

⁶⁷ Интервью Майкла Макфола с Николаем Рыжковым, 25 августа 1992 года. The McFaul Collection, NIA.

⁶⁸ Протокол заседания Политбюро, 22 января 1987 года, В Политбюро ЦК КПСС. С. 134–135.

⁶⁹ Протокол заседания Политбюро, 12 февраля 1987 года, Личный фонд Черняева, Колледж св. Антония, Оксфорд.

⁷⁰ Протокол заседания Политбюро, 14 мая 1987 г., В Политбюро ЦК КПСС. С. 184. Дневник Черняева, 5 июля 1987 года. // А. С. Черняев. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. С. 313.

идем, как эти, которые с мачете, – сквозь заросли джунглей пробираются. Прорубаемся. Все в крови, обдираем кожу, орем друг на друга, но продвигаемся. И свет наконец появляется»⁷¹. Быть может, Горбачева в этот момент вдохновлял пример Дэвида Ливингстона, пробивавшегося в сердце африканского континента.

Закон о государственных предприятиях, одобренный на специальном пленуме партии, вступил в силу 30 июня 1987 года. Пространный документ из одиннадцати тысяч слов был масштабной попыткой изменить структуру советской экономики после неудачных хрущевских экспериментов тридцатью годами ранее. Фактически «государственные предприятия» получили большую автономию, чем когда-либо с тех пор, как Ленин и большевики захватили власть в России. У предприятий появилась возможность самим экспортировать свои товары, возможность создавать совместные компании с иностранными партнерами и иметь собственный валютный счет. Для Рыжкова целью было как можно теснее связать советскую экономику с мировым рынком, чтобы получать доход в твердой валюте. «Надо, кроме стратегических товаров (нефть и т. п.), разрешить всем продавать на экспорт столько, сколько смогут продать. Неважно, есть дефицит [этих товаров] на внутреннем рынке или нет», – заявил он в Политбюро⁷².

Горбачев настаивал на еще большей децентрализации, чем хотел Рыжков. Он уже видел в министерствах, где сидели наиболее грамотные и опытные управленцы, препятствие для инициатив снизу. Ему хотелось идти вперед без промедления, без разведки, реализовать закон немедленно и повсеместно. По его мнению, в прошлом консервативные силы блокировали подобные преобразования на первых, ранних этапах. На Политбюро Горбачев ссылаясь не только на Ленина, но и на дореволюционного реформатора, царского премьер-министра Сергея Витте: «Витте говорил, что если проводить реформу, то нужно глубоко и быстро». Генсек признавал, что «цены, нормативы, банки – ничего у нас не готово для хозрасчета»: «Нужен ликбез. Дело сложнейшее. Народ привык к иждивенчеству, не умеет и не хочет считать денег. Мы сами не готовы...» Он тут же скомандовал «бомбить и бомбить [старую систему] по всем направлениям... Надо пройти эту школу за 2–3 года нынешней пятилетки»⁷³.

Закон вступил в действие в январе 1988 года, но его результаты обманули ожидания реформаторов. Он ослабил прежние стабилизаторы и контролирующие механизмы советской экономики, прежде всего – роль партии. Десятилетиями КПСС выполняла функцию контролера на всех уровнях, внутри каждого предприятия, каждой структуры советской экономики. Глава предприятия был членом партии, подчинялся ее дисциплине и утверждался в ЦК КПСС. Теперь руководителей избирали «коллективы» рабочих и служащих, им нельзя было приказывать и их нельзя было уволить⁷⁴. В то же время реформа не привела к подлинной либерализации и оживлению экономики. Михаил Бернштам, экономист из Стэнфорда, эмигрировавший в 1970-х годах в США, заключил, что Закон о предприятиях был ошибочной реформой – это была такая децентрализация, которая дезорганизовала существующую экономику, но не стимулировала создание новой, рыночной. «Коллективы» предприятий, управляемые директорами и профсоюзными лидерами, получили контроль над прибылью, но не были заинтересованы инвестировать в новое оборудование, повышать эффективность и качество продукции. Вместо этого директора искали способы обналичить и скрыть прибыль, задобрить «коллективы» более высокими окладами. Многие предприятия предпочитали прекратить выпуск нуж-

⁷¹ Протокол заседания Политбюро, 21–22 мая 1987 года, Личный фонд Черняева, Колледж св. Антония, Оксфорд; В Политбюро ЦК КПСС. С. 188–189.

⁷² Выступление Рыжкова в Политбюро 16 июля 1987 года. В Политбюро ЦК КПСС. С. 209.

⁷³ Рабочие записи Черняева в Политбюро, 11 июня 1987 года. Личный фонд Черняева, Колледж св. Антония, Оксфорд; В Политбюро ЦК КПСС. С. 196–197.

⁷⁴ Пихоя Р. Г. Почему номенклатура не стала защищать Советский Союз. Запись лекции в YouTube https://www.youtube.com/watch?v=SLFov5A_bwc.

ных всем потребительских товаров, поскольку государство сохраняло на них низкие цены. Они переключались на перечень более дорогой продукции, на которой можно было сделать большую прибыль⁷⁵. Горбачев и Рыжков между тем так и не поняли, что их реформа ведет не туда. В последующие несколько лет они проблуждают в джунглях советской экономики, так и не найдя выхода.

Реформы Горбачева также разрушили финансовую стабильность, на которой во многом держалось экономическое и политическое единство СССР. До прихода к власти Горбачев плохо разбирался в финансах и не имел представления о том, как формируется советский бюджет. В 1983 году он попросил Андропова разрешить ему ознакомиться с бюджетом, но получил отказ. Знание бюджетных доходов и расходов было со сталинских времен исключительной привилегией генсека. Остальные члены Политбюро пребывали в неведении. Между тем советскую финансовую систему было непросто понять даже опытному специалисту. Это был уникальный продукт огосударствленной экономики и тотальной мобилизации ресурсов в условиях войны и абсолютной политической диктатуры. В Советском Союзе в обращении ходили два вида денег. Первым был «безналичный расчет», сокращенно «безнал» – полностью виртуальная система финансовых расчетов между государством и предприятиями. Все инвестиции, кредиты и другие крупные сделки в советской экономике проходили по безналу. Этот вид денег напоминал эмиссионные векселя и аккредитивы в рыночной экономике, но советский безнал не мог быть обналичен ни при каких обстоятельствах. Вторые деньги существовали в виде наличных денежных знаков, или «нала», – банкноты и монеты, выпущенные Госбанком. Они использовались для выдачи заработной платы, для оплаты потребителями товаров и услуг и, конечно, употреблялись для расчетов и платежей в «теневой экономике» и на черном рынке. Общее количество денежной массы «нала» определялось государственными плановыми органами и строго контролировалось. Ее объем более-менее соотносился с объемом производства и специально рассчитанной стоимостью рабочей силы.

Лишь немногие в Советском Союзе, прежде всего работники Госбанка, понимали, как работает эта не имеющая аналогов система. Между тем она долгие годы обеспечивала макроэкономическую стабильность страны. Советское государство могло тратить миллиарды безналичных денег на финансирование крупных проектов, но при этом инфляция, прежде всего цены на потребительские товары и услуги, оставалась более-менее под госконтролем. Даже в самые тяжелые моменты истории, например во время Второй мировой войны, советская финансовая система выстояла и не рухнула. Именно она смогла обеспечить превращение СССР во вторую военную сверхдержаву, несмотря на то что США обладали неизмеримо большими финансовыми ресурсами.

Безналичные деньги полностью контролировались государством, но с наличными было сложнее – они находились на руках. «Излишняя» наличность, особенно когда она оседала «под матрасом» вне контролируемых государством личных сберегательных счетов, порождала неподконтрольную инфляцию и макроэкономическую нестабильность. Сталин знал и понимал эту опасность: Министерство финансов и Госплан создали непроницаемую перегородку между двумя видами советских денег. На всех предприятиях велась двойная бухгалтерия и строго запрещалось переводить безналичные ассигнования (безнал) в фонд зарплаты (нал). Также не разрешалось приобретать за наличные промышленное оборудование и сырье – такие покупки оплачивались только из безналичных средств, выделенных центральным бюджетом. Прибыль, остававшаяся у госпредприятий, нельзя было обналичить. Кроме того, руководство и государственные структуры СССР тщательно следили за тем, чтобы накопление денежной наличности на срочных вкладах населения не росло слишком быстро. В этом случае деньги

⁷⁵ Анализ взят с сайта <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4716>; Михаил Бернштам в публикации «Могильщики Советского Союза» на сайте <https://www.svoboda.org/a/usa-today-belovezhskiye-soglasheniya/28167677.html> *.

начинали гоняться за товарами, и товары пропадали с прилавков магазинов. В 1947 и в 1961 годах советским властям пришлось втайне подготовить и провести так называемую «денежную реформу», проще говоря обмен старых купюр на новые (обычно убирая один ноль на рублевом дензнаке). Поскольку при этом обычно не принимались к обмену деньги «из-под матраса», это позволяло государству сократить объем денег в обращении. Болезненной альтернативой могло бы стать повышение установленных государством цен⁷⁶. Такая система госконтроля над капиталом позволяла постепенно увеличивать зарплаты и сбережения людей, но только пока росло производство и повышалась его эффективность.

Во время своего правления Брежнев долго избегал повышать цены на основные потребительские товары. Тем не менее инвестиции в военную промышленность и научные исследования не давали роста экономики и разгоняли инфляцию. Субсидии неэффективному сельскому хозяйству СССР, убытки в этой сфере и непроданные товары низкого качества обходились еще дороже, чем военные расходы. В разросшейся «теневой экономике» предприниматели-нелегалы накапливали миллиарды рублей. Доходы от продажи нефти помогали покрывать дефицит госбюджета, но и они способствовали скрытой инфляции. Горбачев получил в наследство страну с крайне проблемными финансами, но не понимал их причин и своими политическими инициативами быстро усугубил ситуацию. Запрет на алкоголь резко накалил обстановку — люди стали меньше пить, но что еще они могли купить на свою зарплату, чтобы вернуть «нал» в бюджет? Ведь качественных товаров, на которые население хотело потратить деньги, было слишком мало⁷⁷.

В начале 1987 года Рыжков предупредил коллег в Политбюро, что без ценовой реформы состояние экономики не улучшится. У советского руководства имелось два варианта: разово поднять фиксированные цены на основные продукты и товары или готовиться к целенаправленному отказу от их регулирования. Горбачев, однако, не мог решиться. Он помнил, как Хрущев подорвал свой авторитет, повысив цены в 1962 году. Это привело к забастовкам рабочих и даже мятежу. В октябре 1986 года Горбачев заявил на Политбюро: «Некоторые требуют повысить цены. На это мы не пойдем. Народ еще ничего не получил от перестройки. Материально ее не почувствовал. И если мы повысим цены... — дискредитируем перестройку»⁷⁸. Валентин Павлов, в то время глава Государственного комитета по ценам, позже писал, что это была упущенная возможность. Горбачев, писал он в воспоминаниях, не понимал, что можно поднять оптовые цены, проходящие по безналичному расчету, при этом не повышая потребительские цены на ключевые товары. Это позволило бы убрать денежный «навес» в 40 миллиардов рублей без риска социального взрыва⁷⁹. Как бы то ни было, в итоге экономические реформы стартовали в условиях безнадежно искаженного с брежневских времен ценообразования.

Закон о государственных предприятиях дал старт банковским реформам. С 1960-х годов впервые обсуждалась экономическая реформа, некоторые экономисты предлагали, чтобы госпредприятия получали кредиты на развитие от подконтрольных государству коммерческих банков. Заработав прибыль, предприятия возвращали бы деньги банкам с процентами. Некоторые даже считали, что это позволило бы заменить налог с оборота в качестве основного источника бюджетных доходов⁸⁰. В 1985 году такие идеи снова стали обсуждаться. Делегация

⁷⁶ Чуднов И. А. Денежная реформа 1947 года. М., РОССПЭН, 2018.

⁷⁷ Протокол заседания Политбюро. 14 апреля 1988 года. С. 332; Интервью Макфола с Рыжковым, 30 сентября 1992 года. The McFaul Collection, HIA; Протокол заседания Политбюро. 14 апреля 1988 года // В Политбюро ЦК КПСС. С. 332. Согласно статистике Рыжкова, государственный бюджет недополучил 40 миллиардов рублей от продажи нефти и 34 миллиарда от сокращения продажи водки.

⁷⁸ Протокол заседания Политбюро. 30 октября и 4 декабря 1986 года. // В Политбюро ЦК КПСС. С. 103, 116–117.

⁷⁹ Павлов В. С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., ТЕРРА, 1995. С. 71–72, 79–80.

⁸⁰ Yakov Feygin. Reforming the Cold War State: Economic Thought, Internationalization, and the Politics of Soviet Reform, 1955–1985, PhD University of Pennsylvania, 2017, p. 135, 150.

советских банкиров совершила серию поездок за рубеж для изучения мировой практики. Они побывали в банках Италии, Западной Германии, Индии, Венгрии и Югославии. В Китае ознакомились с финансированием «свободных экономических зон», а в Японии интересовались, как целевые инвестиции и плановые госкредиты направляли и модернизировали экономику. В июне 1986 года банкиры представили свои предложения Рыжкову. По их мнению, Госбанк должен был сохранять роль денежного регулятора. Однако нужны были крупные «специализированные» инвестбанки, которые бы кредитовали большие промышленные конгломераты. Меньшие по размеру «инновационные» банки под их контролем выдавали бы займы малым предприятиям в ориентированных на потребителя секторах. Автор инициативы Михаил Зотов не относился к рыночным либералам и начинал банковскую карьеру при Сталине. В своих воспоминаниях он цитировал выдержки из документа: «По нашему мнению, назрела необходимость создания в нашей стране коммерческих специализированных кредитных учреждений». Эта идея была направлена на то, чтобы сделать банки активными и непосредственными участниками экономического развития. Она очень заинтересовала Рыжкова, хотя и вызвала сопротивление министерств и ведомств. В июле 1987 года Политбюро разрешило создать четыре «специализированных» банка с функциями кредитования⁸¹.

В мае 1988 года в экономической и финансовой системе СССР произошло еще более значительное изменение. Эксперты Рыжкова подготовили, а Политбюро утвердило закон «О кооперативах». В ленинские времена «кооперативы» рассматривались как «путь к социализму», но к 1980-м они практически перестали существовать. Вся предпринимательская энергия в стране давно ушла в теневую экономику. Рыжков хотел снова сделать кооперативы легальными и вернуть энергию предпринимательства в сферу, где государство могло ее регулировать. Идея понравилась Горбачеву. В Китае, сказал он Политбюро, кооперативам удалось всего за несколько лет накормить миллиард человек. Он рассчитывал, что то же самое произойдет в Советском Союзе. Закон, однако, содержал фатальный структурный изъян. Он поместил кооперативы и госпредприятия под одну крышу – первые могли закупаться у вторых, а вторые – открывать первые. Кооперативам и госпредприятиям также разрешалось создавать коммерческие банки, используя «излишки» прибыли одних для кредитования других.

В 1987 году советские банкиры предлагали ужесточить контроль Госбанка над общим количеством и обращением наличных и безналичных денег. Однако Рыжков и его эксперты, напротив, открыли лазейки в перегородке между двумя видами платежных средств советской финансовой системы. До сих пор неясно, как это могло произойти. Никто в советском правительстве тогда не понимал, какими тяжелыми последствиями это чревато. Запрещенные десятилетиями финансовые операции теперь законно разрешили для кооперативов и коммерческих банков. Люди, которые начали открывать кооперативы в 1988 году, мгновенно увидели новые возможности, о которых раньше могли только мечтать в теневом секторе экономики. Через семь месяцев после вступления закона в силу в стране был зарегистрирован сорок один «кооперативный» коммерческий банк. Спустя год их число в СССР выросло до 225. Эти банки проделали большую, неконтролируемую дыру в советской финансовой системе. «А что получилось у нас?» – сетовал Зотов в воспоминаниях. «Сначала очень забежали вперед на микроэкономическом уровне, что выразилось почти в тотальной либерализации банков и денежного обращения». Сталинский банкир имел в виду позднейшие реформы. На деле этот процесс начался еще в 1988 году⁸².

Учредители кооперативов, кредитуемые ими же созданными банками, начали скупать товары и сырье у госпредприятий по низким госценам. Затем они перепродавали эти товары

⁸¹ Зотов М. С. Я – банкир. С. 285–289, 290–291; Интервью Макфола с Николаем Рыжковым, 30 сентября 1992 года, The McFaul Collection, НИА.

⁸² Зотов М. С. Я – банкир. С. 296.

населению по гораздо более высоким рыночным ценам или, еще выгодней, экспортировали их за границу по мировым ценам, получая до пятисот и более процентов прибыли. При этом налог на прибыль кооперативов не превышал 10–13 процентов. Коммерческие банкиры из кооперативного сектора придумали еще одну чрезвычайно выгодную схему: они получали от родственников госпредприятий «помощь» в безналичном расчете и обналичивали ее, используя новые лазейки между двумя видами денежного обращения. Струи и ручейки обналиченных «новых» денег вскоре превратились в бурный поток, увеличивая денежную массу на руках у населения. К концу 1989 года ни Политбюро, ни Госбанк уже не могли заткнуть эти лазейки. Поток превратился в инфляционный потоп.

СОЦИАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Откуда у Горбачева возникла идея демократизировать Советский Союз? Для западных читателей, особенно американских, демократия и свобода – нечто естественное, как воздух. Но Горбачев был генеральным секретарем КПСС, а не западным либералом. Тем не менее он решился на масштабную политическую либерализацию одновременно с радикальными экономическими реформами. Даже много лет спустя его биограф Уильям Таубман не мог скрыть своего изумления: «С чего он взял, что за несколько коротких лет сумеет победить многовековые политические, экономические и социальные привычки, укорененные в России: царский авторитаризм, переродившийся в советский тоталитаризм... минимальный опыт гражданской активности, в частности, отсутствие культуры компромисса и консенсуса, традиции демократической самоорганизации и реального верховенства закона?»⁸³

Горбачев вырос в обществе, в котором образованное меньшинство всегда тайно жаждало свободы от деспотического государства. Почти два столетия интеллигенция мечтала о конституции и правах человека. Большевики и Сталин обратили эти мечтания в кровавую карикатуру, но не смогли полностью их убить или игнорировать. Советская Конституция 1936 года официально гарантировала «социалистическую демократию», «свободу» слова, совести и другие гражданские права. В 1948 году Советский Союз ратифицировал Всеобщую декларацию прав человека ООН. В августе 1975 года Брежнев подписал Хельсинкский заключительный акт, а в 1977-м его положения вошли в обновленную Конституцию СССР. Разумеется, тогда в Советском Союзе никто и не думал воспринимать это всерьез⁸⁴. Человек с такими мыслями мог заинтересовать КГБ и быть принудительно направлен на психиатрическое лечение. Тем не менее понятия «социализм» и «демократия» продолжали восприниматься как пара, это проникло в массовое сознание и закрепилось там как некий идеал будущего. Группа молодых интеллектуалов в Москве в подпольном теоретическом журнале пришла к выводу, что именно «социалистическая демократия», а не либеральная демократия – единственный лозунг, на который откликнется большинство советского населения⁸⁵.

Затем появился Горбачев. Связанный с интеллигенцией со студенческих лет, он разделял мечты о политических свободах. Собственные представления о необходимости «демократического социализма» у Горбачева, видимо, появились после бесед с чешским другом Зденеком Млынаржем, коммунистом-реформатором, который активно участвовал в событиях «Праж-

⁸³ *Taubman. Gorbachev*, p. 3, 338.

⁸⁴ *Daniel Thomas. The Helsinki Effect: International Norms, Human Rights, and the Demise of Communism* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001); *Sarah Snyder. Human Rights Activism and the End of the Cold War: A Transnational Story of the Helsinki Network* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011); *Richard Davy. Helsinki Myths: Setting the Record Straight on the Final Act of the CSCE, 1975. Cold War History* 9:1 (2009), pp. 1-22; *Michael C. Morgan. The Final Act: The Helsinki Accords and the Transformation of the Cold War*. Princeton (NJ: Princeton University Press, 2018).

⁸⁵ *Прибыловский В. В.* рецензия для самиздатского журнала «Варианты», датированная Радио Свобода до апреля 1982 г., 2, 4, 5. Open Society Archives, 300-80-1, box 880, 3. Цитируется в докторской диссертации Наташи Уилсон.

ской весны» 1968 года. Это было время социалистической романтики, когда физик-ядерщик Андрей Сахаров стал правозащитником и заявил на весь мир о взаимосвязи экономического прогресса, гуманизма и интеллектуальной свободы. Для Горбачева было естественно признавать то, что Андропов отвергал – советский народ должен иметь право голоса в делах страны, без «демократического социализма» люди останутся отчужденными от продуктов своего труда и станут вести себя как крепостные, экономическая модернизация будет невозможна. Записка Яковлева 1985 года не выходила у Горбачева из головы. Раиса, с ее социологическими интересами, вероятно, тоже поддерживала стремление мужа освободить советское общество. Оба питали страсть к теории и любили обсуждать вопросы философии и истории во время своих долгих прогулок и отпусков.

В августе 1987 года Горбачев посвятил теоретизированию весь свой летний отпуск в Крыму. На даче, где прежде Брежнев с приближенными играли в домино, выпивали и обменивались старыми анекдотами, Горбачев читал Ленина и открыл для себя «молодого Маркса» – его «Экономическо-философские рукописи 1844 года». С конца 1950-х годов эти тексты Маркса были подняты на щит западными марксистами, а позже будоражили умы советских философов и социологов антисталинского направления. В Крыму Горбачев переписывался с ведущими академиками страны, давал задания академическим институтам. Формальным поводом послужило предложение американского издательства написать книгу о перестройке. Вместо того чтобы поручить задачу «литературным неграм», Горбачев сам с удовольствием погрузился в процесс. Он диктовал один за другим варианты глав своему помощнику Анатолию Черняеву, который к тому времени стал его негласным спичрайтером. Книга получила название «Перестройка: Новое мышление для нашей страны и для всего мира». Чтобы ее закончить, Горбачев даже отпуск продлил на неделю. Советский лидер хотел, чтобы его «революция» получила теоретическое и международное значение, как за семь десятилетий до него это удалось сделать Ленину⁸⁶.

Генсек также углубился в книги и документы об истоках сталинизма. Одним из стимулов была подготовка к празднованию 70-летия большевистской революции в ноябре 1987 года. В июле, перед отпуском в Крыму, Горбачев раздал коллегам в Политбюро извлеченные из архивов материалы о преступлениях Сталина. Это была подборка, подготовленная еще по приказу Хрущева в 1961–1962 годах. Горбачев, в результате своей «ссылки» в ставропольской глуши, сохранил взгляды на советскую историю, характерные для партийной интеллигенции конца шестидесятых. По словам Черняева, он все еще верил, что если бы Ленин умер не в 1924-м, а хотя бы десятью годами позже, социализм в СССР пошел бы по хорошему пути (в отличие от сталинского)⁸⁷. Теперь, в 1987 году, когда Горбачев имел доступ ко всей нужной информации, он взялся за историческую тематику с утроенной энергией. Искал ответы на волнующие его вопросы. Что обусловило приход Сталина и его преступления? Какой «сбой» в ленинском плане привел к тирании и массовым убийствам? Как избежать подобных трагедий в будущем? Это были все те же проблемы, которыми мучилась молодая советская интеллигенция поколения Горбачева двадцать-тридцать лет назад.

Книги, особенно переводы западных исследований, сыграли роль идеологического динамита и произвели громадное впечатление на Горбачева. Он делился мыслями с узким кругом коллег – ему хотелось изменить «всю систему» – от экономики до образа мыслей. «Я пойду далеко, очень далеко», – записал его слова Черняев. Самой крупной находкой Горбачева была теоретическая формула: «Больше социализма – больше демократии»⁸⁸.

⁸⁶ Дневник А. С. Черняева, 31 августа 1987 г. Совместный исход. С. 720.

⁸⁷ Черняев А. С. Феномен Горбачева в контексте лидерства. *Международная жизнь*. 1993. № 7. С. 52–53.

⁸⁸ Там же. С. 53.

Вместо того чтобы подобно Хрущеву произносить речи о преступлениях Сталина, Горбачев решил демонтировать построенную им систему управления. С этой целью в июне 1988 года он собрал специальную партийную конференцию. Предыдущая была созвана Сталиным в феврале 1941 года, чтобы обсудить приготовления к неизбежной войне. У Горбачева было не менее срочное дело. Для подготовки своего доклада он опять обратился к самым близким советникам. В их число вошли эксперт по «демократическому социализму» Яковлев, Георгий Шахназаров, Анатолий Черняев, экономисты Вадим Медведев и Степан Ситарян. Также в команде оказались два старых друга Михаила и Раисы с университетских времен – юрист Анатолий Лукьянов и философ Иван Фролов. Валерий Болдин, бывший журналист и личный помощник Горбачевых, отвечал за организационные вопросы. Рабочая группа получила десятки экспертных докладов и записок от ведущих академических институтов в Москве. Для настроенной по-реформаторски партийной интеллигенции пробил час, которого она ждала десятилетиями. Работа над политическими реформами стартовала в начале 1988-го и продолжалась весь год.

Как выяснилось, к моменту начала этой работы Горбачев уже имел собственное представление о концепции конституционных реформ. В конституционных и правовых вопросах, в отличие от экономических и финансовых, советский лидер чувствовал себя уверенно. По воспоминаниям Медведева, Горбачев намеревался «превратить Советы в постоянно действующие органы управления»⁸⁹. Советы возникли как прямая форма народного правления, их съезд в Петрограде был тем органом, от имени которого Ленин и партия большевиков захватили власть в России в 1917 году. Идея Горбачева поражала своим размахом: вернуть российский коммунизм на исходную точку его прихода к власти и перенаправить великий эксперимент в демократическое русло. Отправным моментом политических реформ должны были стать всенародные состязательные выборы народных депутатов на съезд. Этот орган, в котором должно было заседать 2250 человек, не имел мировых аналогов. Съезд должен был представлять все национальные республики и этнические автономии Советского Союза, все группы населения и все основные общественные и политические институты. Он обладал верховной властью: правом изменять конституцию, назначать правительство и выбирать из своей среды постоянное законодательное собрание – Верховный Совет. Сходную модель правления предлагала первая большевистская конституция, одобренная Лениным. Подобный конституционный пересмотр политических структур предстояло повторить на всех уровнях – республиканском, региональном и местном. Горбачев до последнего держал коллег по Политбюро в неведении относительно своих политических преобразований, единственным исключением был Яковлев. Генсек понимал, что его идеи могут вызвать возражения и шок у некоторых из них. Новый конституционный порядок означал конец абсолютной власти Политбюро и партийного аппарата.

В окружении Горбачева некоторые сочли новый политический строй громоздким и, по сути, не способным править страной. Яковлев и Черняев выступали за сильную президентскую систему, Медведев – за парламентскую, при которой партия большинства формирует правительство, а лидер партии возглавляет государство. Горбачев, обязанный своей громадной властью партийной диктатуре, не хотел создавать органы сильной исполнительной власти. Он отказался вернуться к системе исполнительных комитетов, опираясь на которые правили Ленин и большевики. Горбачев хотел, оставаясь генсеком партии, стать председателем реформированного Верховного Совета. «У Горбачева представления уже прочно сложились, и повернуть его было трудно или скорее всего невозможно», – вспоминал Медведев⁹⁰.

Эти подходы противоречили всей российской и советской практике государственного правления. Если бы в тот момент Горбачев предложил создать более сильную исполнительную власть вместо Политбюро – легитимную и делегированную новыми представительными собра-

⁸⁹ Медведев В. А. В команде Горбачева: взгляд изнутри. М.: Былина, 1994. С. 74; Шахназаров Г. Х. Цена свободы. С. 73.

⁹⁰ Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 73–75.

ниями, – у него не возникло бы проблем. Никто не мог помешать советскому лидеру совместить два поста – генсека и главы какого-нибудь Верховного исполнительного комитета СССР. Некоторые историки утверждают, что Горбачев хотел иметь наделенный всеми полномочиями законодательный орган, которым бы он уравновешивал могущественный партийный аппарат. Что бы ни двигало Горбачевым, заявленная цель – отдать « всю власть Советам » – стала его принципиальной политической ошибкой. То, что в период коренных реформ на вершине политической системы поставили суперпарламент, оказалось делом рискованным и непрактичным. Советы, что десятилетиями лишь ставили печати на решениях Политбюро, внезапно обрели законодательные и исполнительные функции, большие, чем могли освоить. Кроме того, Горбачев не учел, как мощный выброс популистской энергии после десятилетий диктатуры может породить его политические преобразования. Рыжков вспоминал, что горбачевские конституционные реформы застали его и других членов Политбюро врасплох. Не обладая никаким иным опытом, кроме командного, они не могли предвидеть последствий таких изменений, а когда поняли, было слишком поздно. Двухуровневая система советского парламентаризма сделала СССР неуправляемым. А после распада Союза она же поставила Россию на грань краха, ввергла ее в конституционный кризис. Только насильственная отмена горбачевской системы Советов Борисом Ельциным в октябре 1993 года дала возможность стабилизировать конституционный порядок⁹¹.

Подготовка к политическим реформам проявила новые черты в поведении и личности Горбачева. В 1988 году в его голосе появились нотки самоуверенности. Громадная власть не могла не вскружить ему голову, несмотря на его, по словам Черняева, « природный демократизм ». Он купался во внимании мировых СМИ во время частых поездок за границу, где встречался на высшем уровне с президентом США Рональдом Рейганом, британским премьером Маргарет Тэтчер, президентом Франции Франсуа Миттераном и другими западными лидерами. Горбачев уже ставил себя на голову выше – интеллектуально и политически – своих коллег по Политбюро. В разговорах с Черняевым он корил их за « философское убожество » и « недостаток культуры ». Даже трудолюбивый Рыжков раздражал его постоянными жалобами и растущим унынием по поводу дел в экономике. Изменился характер дискуссий в Политбюро, где Горбачев председательствовал. « Он действительно нуждался в совете и мнении других, но лишь в той мере, в какой это позволяло ему заставить [остальных] следовать его позиции и идее », – вспоминал член Политбюро Виталий Воротников. У Горбачева проявилась еще одна специфическая черта: он часто не заканчивал споры выбором конкретных действий. Это создавало видимость поиска консенсуса и оставляло возможность пойти на попятную при слишком активных возражениях. Горбачев был « постоянно готов уклоняться, балансировать, принимать решение в зависимости от ситуации »⁹². Он гордился этим качеством. « Ленин тоже называл себя оппортунистом ради спасения революции », – говорил он Черняеву в августе 1988 года⁹³. Самоуверенность, переходящая в самонадеянность, помогла Горбачеву провести серию радикальных политических и экономических реформ, минуя скептическое большинство в Политбюро и все более встревоженных партийных боссов на местах.

Ключевым политическим моментом в грандиозном замысле Горбачева стала специальная партийная конференция в конце июня 1988 года. В Кремле собрались около 4500 делегатов. Горбачеву требовалось, чтобы они одобрили его радикальный курс, и он в этом замечательно преуспел. На конференции, которую транслировали по телевидению на всю страну, делегаты приняли резолюцию « О демократизации советского общества и реформе политиче-

⁹¹ Интервью Майкла Макфола с Николаем Рыжковым. 30 сентября 1992 г. The McFaul Collection, HIA. О конституционном кризисе см. *William E. Pomeranz. Law and the Russian State: Russia's Legal Evolution from Peter the Great to Vladimir Putin* (London: Bloomsbury, 2018), pp. 108–122.

⁹² Воротников В. И. А было это так... С. 49.

⁹³ Записи Черняева, 5 августа 1988 г. Личный фонд Черняева, Колледж св. Антония, Оксфорд.

ской системы». Участники конференции также проголосовали за внесение изменений в конституцию СССР, касающихся создания новой политической системы к осени 1989 года. Ее предстояло внедрить до конца срока полномочий прежнего, карманного Верховного Совета. Однако Горбачев чувствовал, что большинство делегатов конференции не поддержат весь пакет реформ. Он не ошибался – большинству хотелось перемен, но никто и представить не мог, что генсек идет на слом политической системы целиком. В самом конце конференции, после четырех дней докладов и выступлений, почти как бы между делом Горбачев вынес на голосование предложение поручить Политбюро провести до конца года реорганизацию партийного аппарата. Предложение одобрили, что дало Горбачеву практически неограниченный мандат. Позже он характеризовал этот момент, как «начало подлинной перестройки»⁹⁴. Спустя годы Эдуард Шеварднадзе сформулировал это так: Горбачев искусно «использовал сталинские властные методы для демонтажа сталинской системы»⁹⁵.

После конференции Горбачев отправился в длительный отпуск в Крым, где вблизи Фороса для него построили роскошный особняк. Сопровождавший его Черняев поражался великолепию виллы, так не соответствовавшей образу бескорыстного реформатора-ленинца: «Зачем это ему? Слухи не только в Крыму, но и в Москве: стоило то ли 189 млн, то ли около того... Плюс целая армия охраны и obsługi». Помощник видел, что по сравнению с предыдущим летним отпуском Горбачев изменился. Он уже «не разговаривал запросто», и когда Черняев пытался дополнить его мысли, Горбачев тут перебивал и довольно безапелляционно излагал свое, давая понять, что на этом дискуссия закончена. Как и в предыдущий отпуск, Горбачев занимался на отдыхе теоретическими и историческими исследованиями, продолжил изучать материалы дискуссий среди большевиков после смерти Ленина. Он начал диктовать помощнику брошюру об эволюции понятия «социализм» от Маркса до наших дней. «Теперь мозги разбрелись настолько, – сетовал он, – что уже никто не знает, где социализм, где нет, и вообще что это такое». Черняев заметил, что довольно быстро генсек запутался в своих построениях. В то же время он не хотел признавать, что социализм по-ленински уже не давал ему руководства к действию⁹⁶.

Некоторые историки предполагали, что в 1988 году генсек стал торопиться с политическими реформами, потому что опасался внутривластного переворота. Как известно, заговор против Хрущева в октябре 1964 года созрел, когда тот отдыхал в Пицунде. Уильям Таубман в биографии Горбачева опровергает эти домыслы. На самом деле советский лидер считал, что его курс выводит партию из ступора и делает ее вновь тем живым организмом, который он видел в большевистских документах 1920-х годов. Его совершенно не пугало, что в партии началась политическая борьба. В своих беседах с помощниками Горбачев говорил о «левом уклоне», к которому он относил Бориса Ельцина. Этот человек появился в высшем эшелоне власти в декабре 1985 по протекции Егора Лигачева. Бывший партийный руководитель Свердловской области, Ельцин был фактически политическим близнецом Горбачева. Он родился в 1931 году в уральской деревне Бутка в крепкой крестьянской семье. В коллективизацию дед и отец были «раскулачены» и сосланы. Ельцин вступил в партию и сделал карьеру на индустриальном Урале. Крестьянский парень оказался хорошим организатором, обладал прекрасной памятью, а также сильной волей и не меньшим упрямством. Как и Горбачев, он стал отличным семьянином, работал не за страх, а за совесть и не был подвержен коррупции. В остальном, однако, Ельцин и Горбачев были антиподами. Ельцина часто видели на волейбольной площадке, а не в библиотеке с трудами Маркса или Ленина. Учеба в уральском политехническом институте дала Ельцину знания, но культурный кругозор его остался невелик и несравним с

⁹⁴ Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 78.

⁹⁵ Интервью автора с Эдуардом Шеварднадзе, 20 августа 1999 года, Тбилиси.

⁹⁶ Черняев А. С. Совместный исход. С. 758–759.

московской «шлифовкой» Горбачева. Ельцин чувствовал себя среди простых людей как рыба в воде и не знал, как вести себя в кругу интеллигенции. Его прямой, суровый и резкий характер был контрастом горбачевскому южному темпераменту, обходительности и обаянию. Своим возвышением Ельцин был обязан не удачным знакомствам и протекции, а тяжелой управленческой работе на гигантских промышленных предприятиях Урала. В глубине души он считал, что Горбачев стоит ниже его по заслугам и не имеет права им командовать. Однако, в отличие от Горбачева, он плохо ориентировался в бесконечных и запутанных коридорах Старой Площади, где располагался центральный партийный аппарат.

Между тем его, коренного уральца, вызвали в Москву и назначили главой партийной организации столицы. Горбачев дал Ельцину задание повторить подвиг Геракла: очистить «авгиевы конюшни» Москвы от коррупции. Чистка столичной мафии началась еще при Андропове, и Ельцин продолжил ее с удвоенным рвением – он увольнял продажных чиновников, устраивал внезапные проверки в магазинах и даже находил время для приема москвичей с их жалобами и просьбами. Это снискало ему мгновенную славу среди простых людей и ненависть аппаратчиков, которые всеми силами саботировали его действия. Наина Иосифовна, жена Ельцина, вспоминала, что они с мужем чувствовали себя в Москве затравленными и в полной изоляции⁹⁷.

Ельцинская «левая» атака на перестройку произошла в октябре 1987 года на Пленуме ЦК КПСС. За месяц до этого он в состоянии стресса подал Горбачеву заявление об уходе. Генсек заявление проигнорировал, и тогда Ельцин решил, что сделает это прямо на Пленуме. Перестройка, заявил заикающийся в сильнейшем волнении Ельцин, буксует, и виноваты в этом партийные аппаратчики, прежде всего Лигачев. У Горбачева были свои планы: на Пленуме он впервые выступил с серьезной критикой Сталина и обозначил перспективу идеологических и политических перемен. Неожиданный демарш Ельцина «смазал» исторический эффект, на который рассчитывал генсек. Вместо обсуждения его доклада участники Пленума яростно накинулись на самозванного критика. Выступающие, как по команде, один за другим клеймили Ельцина за вопиющее нарушение партийной субординации и дисциплины. После этой унижительной процедуры Пленум проголосовал за его исключение из кандидатов в Политбюро. По Москве поползли слухи, что Ельцин – «народный защитник», который взбунтовался «против начальства» и был за это наказан. На самом деле уральский «бунтарь» испытал серьезный нервный срыв⁹⁸.

В брежневские времена диссидента из Политбюро отослали бы от греха подальше, возможно, послом в одну из стран Африки или Центральной Америки. Шахназаров вспоминал, что некоторые в окружении Горбачева призывали избавиться от Ельцина именно таким образом, но генсек категорически отказался. Вместо этого Горбачев отправил Ельцина на лечение в партийную больницу, где врачи использовали мощные препараты, как в психиатрической лечебнице, чтобы привести его в чувство. Ельцин этого никогда не забудет и не простит Горбачеву и его окружению. Впоследствии он оправился от своего срыва. На партийной конференции в июне 1988 года Ельцин смиренно попросил прощения. Правда, упрямый уралец снова скатился «влево» и снова раскритиковал горбачевскую перестройку за непоследовательность и недостаток ленинской принципиальности. Так он умудрился почти сорвать второе важнейшее горбачевское мероприятие. В ноябре того же года Ельцин выступил в Высшей комсомольской школе в Москве с лекцией о необходимости многопартийной системы и конкурентных президентских выборов. Записи лекции мгновенно разошлись по стране. В столице и россий-

⁹⁷ Timothy J. Colton. Yeltsin: A Life (New York: Basic Books, 2011), главы 5 и 6.

⁹⁸ Taubman. Gorbachev, pp. 330–331.

ских регионах Ельцин явно перехватил у советского лидера славу главного борца с прежними порядками⁹⁹.

«Справа», согласно классификации Горбачева, был секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев – принципиальный и нестигаемый борец с пьянством, коррупцией и чистотой партийных рядов и норм. Лигачев славился «чисткой» провинциальных кадров партии, но при этом стоял горой за интересы жителей бедных и аграрных регионов России – как он их понимал. Рыжков и его команда в Совмине и Госплане терпеть не могли Лигачева. Для них он олицетворял партийное вмешательство в их работу. Московская интеллигенция невзлюбила Лигачева как олицетворение андроповского, а то и сталинского стиля, поборника идеологической цензуры. Либеральные умы подозревали его в покровительстве русскому черносотенному национализму и безосновательно считали его сталинистом. Черняев под влиянием этих толков призывал Горбачева убрать Лигачева. «Ситуация напоминает 1922 год. Вы – в положении Ленина, он – в положении генсека, практически с теми же функциями, что тогда у Сталина», – писал он, имея в виду письмо Ленина съезду с предложением сместить Сталина¹⁰⁰. Сравнение было абсурдным – Лигачев был не политическим интриганом-тираном, а догматичной и верной «рабочей лошадкой» партии. Это был твердый приверженец консервативного реформизма в стиле Андропова.

Лигачев потерял пост второго лица в Политбюро в марте 1988 года, через пять месяцев после исключения Ельцина. Журналисты из «Советской России», идеологи русского национализма, прислали Лигачеву статью, якобы основанную на письме профессора химии Ленинградского университета Нины Андреевой. В тексте – грубом перепеве сталинских идеологических кампаний – осуждались «ревизионисты» в советских СМИ, которые использовали гласность для «очернения» советской истории. Лигачев одобрил статью, и газета опубликовала ее – в партийном аппарате мгновенно разнесся слух, что это, по сути, новая утвержденная партией директива для идеологических кадров. Эпизод, пожалуй, был последним шансом для консерваторов повернуть советские реформы в русло, намеченное Андроповым. «Дело Нины Андреевой» взбудоражило московскую интеллигенцию; западные журналисты даже писали, что перестройке пришел конец. Горбачев в это время был за рубежом. Но когда вернулся, был в ярости. В его планах перестройки публичное обсуждение прошлого, а также поддержка свободомыслящей интеллигенции были важными этапами подготовки будущих политических реформ. При содействии Яковлева он легко покончил с консервативным «мятежом». Лигачева и его сторонников в Политбюро, которые поспешили похвалить статью, поставили на место и усмирили. Яковлев сменил Лигачева на посту главного партийного идеолога, отвечающего за телевидение и печать. Гласность, которую еще несколько дней назад собирались хоронить, стала набирать обороты семимильными шагами¹⁰¹.

Основной угрозой для Горбачева осенью 1988 года был не заговор партийных элит, а все более очевидный провал его экономических реформ. Экономика не росла, а перебои в работе производственных линий и цепочек поставок становились серьезнее. Жилищное строительство замедлилось. Магазины в большинстве советских городов, даже в Москве, стали пустее, чем прежде, а очереди перед ними выстраивались все длиннее. В начале сентября 1988 года, находясь в Крыму, Горбачев отправился на экскурсию в Севастополь. Его окружила толпа местных жителей, которые жаловались на нехватку жилья, невыплату пенсии и так далее. Горбачев провел с ними три с половиной часа. Наконец он воскликнул: «Я что вам, царь? Или Сталин?» Он явно разочаровывался в советских людях, как и они – в нем. Горбачев хотел,

⁹⁹ Ельцин Б. Н. Автобиография на англ. *Against the Grain*, trans. *Michael Glenny* (New York: Summit Books, 1990), pp. 184–185; *Colton*, *Yeltsin*, pp. 147–148; *Taubman*, *Gorbachev*, pp. 322–336, 362–363. Беседа автора с Шахназаровым в Яхранке, Польша, 9 ноября 1997 года.

¹⁰⁰ Письмо Черняева от 13 ноября 1987 года. Личный фонд Черняева, Колледж св. Антония, Оксфорд.

¹⁰¹ *Taubman*, *Gorbachev*, pp. 342–351.

чтоб люди сами выбирали своих представителей, решали местные проблемы и оставили его в покое, *чтобы он мог заниматься вопросами большой теории*. Он также злился на региональных партийных чиновников. «Он очень обеспокоен, – записал в дневнике Черняев. – [Партийный] аппарат понял, что дни его сочтены... и выключил старый механизм административной системы». Возможно, партийные чиновники решили бойкотировать перестройку, лишь бы «доказать, что все это безумная горбачевская авантюра»¹⁰².

В этот момент сам Горбачев, имея мандат партконференции на реформы, по сути, спланировал конституционный переворот против партии. Во время отпуска в Крыму он единолично решил перекроить и урезать центральный партийный аппарат, оставив только «революционных приверженцев перестройки», которые могли бы помочь ему управлять процессом в будущем. В течение года будет уволено от 800 до 900 тысяч партийных чиновников – крупнейшая чистка со времен Сталина, хотя на этот раз бескровная. Черняев первым увидел проект предложений Горбачева и пришел в восхищение. По возвращении из Крыма Горбачев изложил предложения проекта другим помощникам. Двенадцать из двадцати отделов центрального аппарата партии, политического мозга всей экономической системы СССР, подлежали расформированию. 8 сентября 1988 года послушное воле Горбачева Политбюро одобрило его программу. Лигачев еще пытался настаивать, что партия должна продолжать контролировать процесс перестройки, но не осмелился критиковать любимое детище генсека. Когда Виталий Воротников спросил, кто сможет взять на себя бремя управления, если партия от него откажется, Горбачев уклонился от ответа. Следующие две недели он провел в беседах со старыми членами ЦК, которых лично вызывал к себе и одного за другим убеждал принять почетную отставку¹⁰³.

Достигнув политических целей в Политбюро, Горбачев отправился в Красноярский край в Центральной Сибири. Он осмотрел промышленные объекты на огромной территории – размером с Францию и Испанию, вместе взятые, посетил заводы по производству никеля, молибдена и платины. Гигантские предприятия демонстрировали низкую эффективность, их рабочие страдали от нехватки жилья и перебоев с продовольствием, а также от техногенных экологических катастроф. Поездка укрепила Горбачева во мнении, что главная причина бед – партийное управление экономикой. На встрече в Норильске с рабочими крупнейшего в мире завода по выпуску никеля он призвал их избрать руководителей, которые им нравятся и которым они доверяют. Но при этом Горбачев хотел призвать воздержаться от эксцессов и привел пример: один рабочий, по его словам, прислал ему письмо с предложением дать команду «Огонь по штабам!» Это был лозунг Мао Цзэдуна во время Культурной революции. Внезапно публика восторженно заревела: «Правильно!» Горбачев, оторопев от такого настроения толпы, ответил, что повторение опыта Китая чревато катастрофой. Он вернулся в Москву, убежденный, что начинать политическую реформу нужно как можно скорее. Только откровенное обсуждение со съездом проблем Советского Союза позволило бы направить растущий накал народного недовольства в конструктивное русло¹⁰⁴.

30 сентября после получасового обсуждения Пленум ЦК КПСС утвердил все политические реформы без возражений. После небольшой дискуссии делегаты одобрили желание Горбачева возглавить будущий Верховный Совет, оставаясь при этом лидером партии. Таким образом партийная элита дала зеленый свет самой радикальной смене политического режима со времен Сталина¹⁰⁵.

¹⁰² Черняев А. С. Совместный исход. С. 761.

¹⁰³ Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 78–79, Таубман. Gorbachev. С. 371–372; Черняев А. С. Совместный исход. С. 761–767; Воротников В. И. А было это так... С. 259–260.

¹⁰⁴ Горбачев М. С. Собрание сочинений (МСГ СС). Том 12. С. 37.

¹⁰⁵ Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 78–79, Воротников В. И. А было это так... С. 259–260.

Горбачевские реформы 1987–1988 годов стали результатом провала предыдущих преобразований, разочарования «шестидесятников» в партийно-государственной бюрократии и идеологических мечтаний небольшой части партийных аппаратчиков-реформаторов. Однако Горбачев допустил исторический просчет. В конце 1988 года он приступил к демонтажу партийного аппарата, единственного инструмента, способного удержать под контролем реформы и всю страну. Его диагноз оказался неверным. Партийная бюрократия, которую он рассматривал как главное препятствие на пути модернизации и оживления советского социалистического проекта, предпочитала консервативные и поэтапные реформы, оставаясь при этом послушным инструментом в руках лидера страны. Ошибочная децентрализация экономики наряду с другими промахами внесла сумятицу в экономику и финансы. Более того, «демократический социализм», как и предостерегал Андропов, был крайне опасным экспериментом в стране, никогда не знавшей демократического правления. Перестройка, какой ее замыслил Горбачев, не могла преуспеть. Напротив, она ввергла Советский Союз в экономический хаос и сделала его мишенью политического популизма и национализма.

Глава 2

Освобождение

Опыт учит, что наиболее опасный момент для плохого правительства – это обычно тот, когда начинаются реформы... Зло, которое терпеливо сносилось как неизбежное, кажется нестерпимым, едва лишь приходит мысль от него избавиться.

Алексис де Токвиль.

Старый порядок и Революция, 1856

ГЛОБАЛЬНАЯ МИССИЯ

7 декабря 1988 года Горбачев выступил на Генассамблее ООН в Нью-Йорке, чтобы объявить о намерении вывести полмиллиона советских военных из стран Восточной Европы. Он также заявил об освобождении почти всех политических заключенных. Но главной сенсацией стало изложенное в речи новое мировоззрение. Горбачев предложил мировой порядок, основанный на «общечеловеческих интересах» сотрудничества и интеграции. Это означало отказ от противостояния Советского Союза и США и их союзников, а также от марксистско-ленинского мировоззрения, построенного на «классовой борьбе» и неизбежности победы коммунизма. Генсек призвал отказаться от любой формы применения силы в международных делах. По сути, глава СССР предложил западным государствам прекратить холодную войну и выразил готовность вступить во все международные организации, созданные США и его союзниками. Черняев, основной составитель речи Горбачева в ООН, считал выступление не только идеологической революцией, но и возможным прощанием «со статусом мировой сверхдержавы»¹⁰⁶.

Речь Горбачева была развитием того, что он с 1986 года называл «новым политическим мышлением». Она стала воплощением и самонадеянности человека, считавшего себя революционером ленинского масштаба, и удивительного идеализма, и категорического неприятия военной конфронтации. В сравнении с циничной сталинской «реальной политикой», хрущевским балансированием на грани войны и брежневской «разрядкой с позиции силы» речь Горбачева была фантастическим разрывом с логикой холодной войны. Это была не хитроумная маскировка вынужденного советского отступления, не геополитический маневр, как утверждали многие на Западе, а осознанный выбор в пользу нового мировоззрения, отвергающего и марксизм-ленинизм, и опору на советскую геополитическую мощь. Такой масштабной заявки на новизну история международной политики не знала, пожалуй, с тех пор, как президент США Вудро Вильсон провозгласил знаменитые четырнадцать принципов в конце Первой мировой войны. Именно это мировоззрение сделало Горбачева, а не Рональда Рейгана и других западных руководителей, по-настоящему ключевой фигурой в прекращении холодной войны.¹⁰⁷

С начала 1986 года кремлевский лидер работал над тем, чтобы покончить с ядерным противостоянием СССР и Соединенных Штатов и тем самым уменьшить страшную угрозу, исходящую от ядерного оружия. Чернобыльская авария неожиданно сделала эту задачу приоритетной. После того как Горбачев полностью осознал значение катастрофы на АЭС, он предложил Рейгану внеплановую встречу в верхах, в исландской столице Рейкьявике. Встреча состоялась

¹⁰⁶ В Политбюро ЦК КПСС. С. 419–420, 422; Черняев А. С. Совместный исход, 31 декабря 1988 г. С. 776.

¹⁰⁷ О поколенческих и идеологических источниках нового мышления Горбачева см.: Robert English. Russia and the Idea of the West: Gorbachev. Intellectuals, and the End of the Cold War (New York: Columbia University Press, 2000); Andrei S. Grachev. Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War (Cambridge: Polity, 2008); Taubman. Gorbachev. С. 262–266.

в октябре 1986-го. Горбачев удивил американского президента и его советников, предложив сократить половину советского стратегического ядерного арсенала в обмен на пропорциональные американские сокращения и запрет программы СОИ. Тогда же Горбачев стал понуждать советских военных отказаться от доктрины упреждающего ядерного удара и перейти к принципу «стратегической достаточности»¹⁰⁸.

Чтобы остановить гонку ядерных вооружений, считал Горбачев, важно пойти на численные сокращения носителей ядерного оружия. Как и Андропов, генсек понимал, что Советский Союз невозможно модернизировать в условиях конфронтации с Западом. Первый проект «нового мышления» генсек озвучил на встрече с коллегией высших советских дипломатов в МИДе в мае 1986 года. Его основная мысль заключалась в том, что администрация Рейгана пытается истощить СССР в затратной гонке вооружений. «Советская внешняя политика, – убеждал Горбачев, – должна облегчить бремя военных расходов, сделать все, что в ее силах, чтобы ослабить тиски расходов на оборону»¹⁰⁹. В разговорах в Политбюро, Совете обороны и с главами зарубежных держав советский лидер многократно высказывал озабоченность по поводу американского намерения «измотать СССР» новой гонкой вооружений. Он говорил, что пора перестать гнаться за паритетом с США и что нужно сосредоточиться на внутренних реформах. В 1987 году Горбачев и Рыжков впервые обязали руководителей советской военной промышленности начать «конверсию» – переориентацию части производственных мощностей с военной продукции на производство потребительских товаров¹¹⁰.

Однако американское силовое давление на СССР продолжало сковывать советских реформаторов. Администрация Рейгана отличалась от прошлых администраций тем, что хотела вернуться на позиции силы, стремилась как можно больше ущемить экономику и финансы СССР. Программа СОИ, в случае ее реализации, означала бы конец ядерной стабильности и опасную возможность нанесения первого удара. Эксперты и руководители подразделений и институтов советского военно-промышленного комплекса (ВПК) предлагали выделить дополнительные миллиарды из бюджета на нейтрализацию американской угрозы. Кроме того, из-за американских санкций доступ СССР к научно-технологическим ресурсам передовых западных стран был даже более ограничен, чем в 1960-е годы, до разрядки. Американское правительство контролировало советский импорт технологий с помощью Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ), куда входили Канада, страны Западной Европы, Япония и другие союзники США. Администрация Рейгана пыталась блокировать поставки в СССР западного оборудования для завершения постройки трубопровода, который мог доставлять советскую нефть из Западной Сибири в Западную Европу. В 1987 году, когда японская корпорация Sonyba согласилась продать Москве современные компьютеры, Вашингтон заставил японцев аннулировать уже подписанный контракт¹¹¹.

Первым практическим шагом по отходу от силовой дипломатии стало назначение Горбачевым в июле 1985 года Эдуарда Шеварднадзе на должность министра иностранных дел СССР вместо Андрея Громыко. Старше Горбачева на три года, партийный руководитель Грузии был

¹⁰⁸ О ядерном аспекте советско-американских отношений написано огромное количество литературы. Например, *David Hoffman*. The Dead Hand: The Untold Story of the Cold War Arms Race and its Dangerous Legacy (New York: Anchor Books, 2010); *Велихов Е. П.* Наука работать на безъядерный мир. Международная жизнь. 1988. № 10. С. 50–51; *Ronald Sagdeev*. The Making of a Soviet Scientist: My Adventures in Nuclear Fusion and Space from Stalin to Star Wars (New York: John Wiley, 1994), pp. 261–262, 273.

¹⁰⁹ Запись выступления. // *Горбачев М. С.* Годы трудных решений. М., АльфаПринт, 1993. С. 48, 50.

¹¹⁰ *Zubok*. Failed Empire, p. 287; более подробно см. *Elizabeth C. Charles*. The Game Changer: Reassessing the Impact of SDI on Gorbachev's Foreign Policy, Arms Control, and US-Soviet Relations, PhD Dissertation, Columbia University, 2010.

¹¹¹ См. статью On the impact of COCOM and the US oil embargoes of petroleum equipment petrols, at www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP83B00140R000100080019-7.pdf *; также <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP83M00914R000600020038-7.pdf> *; о скандале с Toshiba см. *Sergey Radchenko*. Unwanted Visionaries: The Soviet Failure in Asia at the End of the Cold War (New York: Oxford University Press, 2014), pp. 79–85.

еще одним молодым амбициозным комсомольцем, который обратился в коммуниста-реформатора. Как и Горбачев, Шеварднадзе прошел через школу коммунистического идеализма 1950-х годов (с поправкой на грузинский национализм) и испытал разочарование в 1970-х. Он сделал карьеру на обещаниях Москве побороть коррупцию в Грузии и на безудержной лести в адрес Брежнева. Так и не преуспев в первом, он, скорее всего, стремился компенсировать второе. Шеварднадзе взял на себя несколько важнейших функций: претворял в жизнь идеи горбачевского «нового мышления», создавал за рубежом новый приветливый образ советской дипломатии и служил громоотводом для военных, которые так и не смогли принять горбачевское новое видение мира.

Тем не менее статус главного переговорщика на мировой арене Горбачев оставил себе. У него возникли доверительные отношения с западными лидерами – с социалистами Франсуа Миттераном и главой Испании Фелипе Гонсалесом, с премьер-министром Италии Джулио Андреотти, с консервативной Маргарет Тэтчер из Великобритании и, после периода отчуждения, с Рональдом Рейганом и канцлером ФРГ Гельмудом Колем. Встречам с зарубежными руководителями придавали особое значение все предшественники Горбачева. Хрущеву казалось, что так он узнает окружающий мир и узнает у капиталистов, как лучше их победить и построить социализм. Брежнев делал это в роли миротворца и использовал «дружбу» с великими лидерами для укрепления своего авторитета дома. Для Горбачева отношения с иностранными, прежде всего с западными лидерами, стали культурной и психологической необходимостью. Один российский ученый так объяснял тягу советских людей ко всему западному: «Для всех советских людей, в том числе и для партийной верхушки, Запад всегда был предметом вожделения. Поездки на Запад были важнейшим статусным символом. Тут ничего нельзя поделать – это “в крови”, в культуре»¹¹². Горбачеву, однако, нужны были встречи в верхах для гораздо большего: он нуждался в интеллектуальном общении с западными лидерами и любил «обкатывать» на них свои реформаторские задумки. Именно во время частых поездок на Запад в разговорах с его ведущими политиками в голове Горбачева достраивались мысли о том, как изменить Советский Союз.

Лидер страны с буксовавшей экономикой по логике вещей должен был брать с собой в поездки на Запад экономистов, плановиков, директоров военных предприятий, банкиров и других технократов. Между тем в огромную свиту Горбачева входили преимущественно пропагандисты, журналисты, социологи, писатели, театральные режиссеры, кинематографисты и другие деятели культуры. Большинство из них разделяли удивление, восхищение и зависть ко всему западному. Их задача состояла в том, чтобы помочь генсеку показать «новое лицо» социализма в СССР. При этом, однако, в глубине души многие из них считали, что «настоящий социализм», который искал Горбачев, уже построен в западных обществах.

¹¹² Фурман Дмитрий. Феномен Горбачева. «Свободная Мысль» № 11, М., 1995. С. 68, 70–71.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.